

INSPIRIA

ФРАНСУАЗА

БУРДЕН

Глядя на море

INSPIRIA

Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден

Франсуаза Бурден

Глядя на море

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Бурден Ф.

Глядя на море / Ф. Бурден — «Эксмо», 2016 — (Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуази Бурден)

ISBN 978-5-04-166297-4

Франсуаза Бурден — одна из ведущих авторов европейского «эмоционального романа». Во Франции ее книги разошлись общим тиражом более 8 млн экземпляров. «Le Figaro» охарактеризовала Франсуазу Бурден как одного из шести популярнейших авторов страны. В мире романы Франсуази представлены на 15 иностранных языках. Больше всего на свете Матье любит свой успешный книжный магазин, где проводит дни, а порой и ночи. Он все сильнее отдаляется от Тесс, которая, в свою очередь, больше всего на свете любит его. Действие разворачивается в портовом городе, в Нормандии, где соленый воздух свободы пропитал все улицы. Тесс ждет от Матье предложения, но, поняв, что он гораздо больше сосредоточен на себе, решает уйти. Но образ Матье не отпускает ее. Чтобы самой стать свободной, понимает Тесс, прежде всего ей нужно освободить Матье. «Трогательный роман, прочно обосновавшийся на вершине книжных рейтингов». — France Info «Франсуаза Бурден завораживает своим писательским талантом». — L'Obs «Романтичная оптимистка Франсуаза Бурден готова показать нам лучшее в мужчинах». — Le Parisien

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-166297-4

© Бурден Ф., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Франсуаза Бурден Глядя на море

Françoise Bourdin
FACE À LA MER

Copyright © Belfond, un departement de Place des Editeurs, 2016.

Перевод с французского *Нины Жуково*

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

– Черт бы тебя побрал, Сезар, вместе с твоей хибарой! – в бешенстве воскликнул Матье, давя на выключатель.

Наконец электричество заработало, и колесико счетчика медленно начало вращаться.

В тусклом свете лампочки, свисающей с балки, сарай выглядел зловеще. Выключив фонарик и сплюнув, Матье ощутил дрожь во всем теле. Запахнув куртку, прежде чем выбежать под дождь, он со всех ног припустил к дому и быстро затворил за собой дверь. В оставленной на столе чашке кофе наверняка давно остыл. «Ну и черт с ним, – подумал он, – без кофе даже лучше засыпать».

А ночи здесь часто бывали нестерпимо длинными. Вернулась бессонница с ее шлейфом черных мыслей. До того как решиться на эту добровольную ссылку в надежде обрести покой, ставший ему необходимым, он настолько уставал, что стоило ему коснуться подушки, как он тут же проваливался в сон. Ну а с пробуждением сразу накатывали мысли о дне грядущем и списке дел, которые ему предстояли, о людях, от него зависящих. Ох уж этот список! Сначала Матье просто держал его в памяти, потом принялся записывать, чтобы ничего не упустить, а под конец уже царапал едва ли не с ожесточением. Зато теперь он предавался мечтаниям, перед тем как встать, голова его звенела пустотой, и он отправлялся под душ, обдумывая, чем бы занять сегодняшний день.

Ощущал ли он, что находится на пути к исцелению? Да. Но ведь он и не был болен, если не считать усталости от всех этих лет сверхактивности, которую добровольно развивал. Желание преуспеть, вера в то, что пассионарность станет его главной движущей силой, а неиссякаемая энергия преодолеет любые трудности, чуть не подвели его к краю пропасти. Но, поняв, что его может попросту испепелить пресловутое «профессиональное выгорание» – мягкий синоним депрессии, – он решил немедленно все прекратить. Отныне он запретил себе думать о том, что могло бы произойти в магазине в его отсутствие. Даже если судно, лишившись капитана, пойдет ко дну, он не собирался над этим ломать голову. Что, интересно, сказал бы Сезар в таком случае?

Ох, Сезар... Не встретить его Матье, жизнь, возможно, пошла бы по другому руслу. Но такого стоило встретить, тут и думать нечего.

В то время Сезар занимался хорошо востребованной коммерцией в центре Гавра. Громадная халупа, где можно было брать напрокат DVD-диски, отремонтировать видеоманитфон или телевизор, сдать какое-нибудь старье, выставив его на продажу – вдруг кто-нибудь да купит. В подвале высились груды пустых коробок, зато в зале все было пристойно. И дела продвигались очень даже неплохо. Хотя Сезар пил как сапожник, ночами играл в покер и никогда не платил по счетам. За исключением этих недостатков, он был самым обаятельным человеком на свете, каких Матье приходилось когда-либо встречать.

Истинный гуманист, образованный и воспитанный, одаренный незаурядным чувством юмора, частенько он предавался самобичеванию, после которого, правда, тут же все опровергал.

Расположение Сезара Матье завоевал с первых минут, когда предложил выкупить у него сомнительную халупу, ну а к завершению сделки они стали настоящими друзьями. Избавившись от денежных проблем, Сезар с любопытством наблюдал, как Матье устраивал то, что со временем должно было стать самым большим книжным магазином Гавра. Установка эскалатора ошеломила его, объемные клубные кресла для посетителей немало повеселили, а устройство небольшого чайного салона вызвало саркастическую усмешку. И все это ради продажи книжек с сомнительным доходом? Он предсказывал худшее и не скрывал этого от Матье, однако вышло ровно наоборот.

Успех к книжному магазину пришел не случайно. В течение первых трех лет Матье поднимался по утрам не позже пяти часов, а в воскресенье – единственный выходной день, когда магазин не работал, – за опущенными ставнями окон он расставлял товар на полках, вникал в бухгалтерские счета, искал новые идеи, короче, занимался всем и сразу. Будь это в его силах, он раздвинул бы и стены. Ближе к вечеру к нему заглядывал Сезар с неизменной бутылкой в руке. Они устраивались в клубных креслах и пропускали по стаканчику – Матье всегда один, а Сезар обычно два-три. Говорили они обо всем на свете, чаще о жизни, женщинах, вопросах веры. Сезар уверял, что нисколько не боится смерти, на самом же деле трепетал при мысли, что безрассудно сжигает свою жизнь со всех возможных концов и что час расплаты близок. Он ни на миг не сожалел, что вел столь бездумное существование, однако его огорчало, что оно оказалось настолько коротким. И в свои семьдесят пять он по-прежнему играл в покер, вызывавший у него драйв не хуже любого наркотика. С глубоким лиризмом он рассказывал об этих ночных бдениях, устраиваемых в потаенных местечках. Куда больше, чем игра, его привлекала уже необходимая ему доза адреналина. Матье слушал друга, замороженный, но и опечаленный, чувствуя, что бедолага неизбежно попадет в ад.

Нетрудно предположить, что у Сезара вновь возникли финансовые трудности, как только он промотал деньги, вырученные от продажи лавки. Теперь у него оставался только дом в Сент-Адрессе¹, добротное, но плохо содержавшееся строение, где он родился и всю жизнь прожил отшельником. Матье предложил выкупить и его, на правах пожизненной ренты, не выдавая все деньги наличными, а ежемесячно выплачивая фиксированную сумму, что позволяло и его собственное финансовое положение. Располагая определенным доходом, Сезар получал своего рода ограничение, делая ставки на зеленом сукне, в то же время мог продолжать жить как жил. Такое решение устроило обоих, и они в очередной раз отправились к нотариусу.

Надо сказать, Матье не принял во внимание реального состояния своего приобретения, которое казалось внушительным, но на деле было очень ветхим, и решил его со временем (чем позже, тем лучше) перепродать, когда станет настоящим владельцем. Увы, в тот же год Сезар умер.

Долгое время Матье не имел ни мужества, ни даже просто желания посетить новое жилище. Всю кучу пещерного хлама, которую он там обнаружил по прибытии, он немедленно распродал в пользу дальних родственников Сезара, проживавших в Южной Африке. Позже, когда он встретил Тесс, он все же привел в божеский вид две-три комнаты, рассчитывая проводить там выходные вместе с ней, как сладкая парочка, сидя возле камина на террасе с видом на море. Ну а теперь он был просто счастлив, что имел возможность найти там себе укрытие.

Как раз когда он колебался, пить или не пить растворимый кофе, который вряд ли мог уже согреть, завибрировал телефон. Заметив два пропущенных вызова, он взял трубку.

– Ну, наконец-то, родной! – зазвенел радостный голос Тесс. – Я тебя ни от чего не отрываю?

– Нисколько. Я выходил, потому что опять отключилось электричество. Снова пришлось налаживать проводку.

– Позже все приведешь в порядок. А пока не взваливай на себя никаких сложных дел.

С тех пор как он здесь находился, Тесс словно повсюду сопровождала его, даже на расстоянии. Нет, она не доставала его внезапными звонками, не приставала с сообщениями, не пыталась выведать, как он там живет. Но, услышав ее голос, он мгновенно представил ее улыбающееся лицо в каскаде белокурых локонов.

– Как ты провела вчерашний день, все хорошо? – спросил он с нежностью.

---

¹ Сент – Адресс – городок в Нормандии, к северу от Гавра. (Здесь и далее прим. перев.)

Он оставил ее, и она должна была чувствовать себя одинокой. Внезапно ему, добровольному изгнаннику, вновь захотелось очутиться возле нее, и в то же время он чувствовал, что пока не способен противостоять еще кому-то или чему-то, кроме своей беспредельной усталости.

– Хорошо провела. Кое с кем встречалась, продала несколько безделушек...

Встречалась? Все клиенты мира были без ума от Тесс. Мужчины, случайно заглянувшие в ее магазинчик, чтобы выбрать подарок, неизменно заканчивали тем, что принимались с ней заигрывать. То же произошло и с ним, когда он впервые переступил порог ее лавки.

– Твоя дочь недавно заходила, – подхватила она.

– Ну и как она, справляется?

– Похоже, не очень. На нее столько всего свалилось... И потом, она беспокоится о тебе, она уверена, что тебе стоит кое с кем встретиться.

– Чудесное иносказание! «Кое с кем». Мы все прекрасно понимаем, что речь идет не о кюре или автомеханике, а именно о психиатре. Поверь, лежание на его диване не принесет мне ни грана пользы.

– Анжелика уверена, что, пройдя курс антидепрессивной терапии, ты почувствуешь себя гораздо лучше.

– Да откуда у нее эти медицинские познания? Я со всем справлюсь без посторонней помощи, Тесс.

– Знаю.

– Ты хоть, по крайней мере, не докучаешь мне советами.

– Боже упаси. Что мне хочется, так это поцеловать тебя, пожелать спокойной ночи и сказать, что я тебя люблю.

– Несмотря на мой дурной характер? Депрессию? Внезапный отъезд?

– Несмотря ни на что.

– Спасибо, родная. Я тоже тебя люблю.

Он отключил связь, задаваясь вопросом, не сумасшедший ли он на самом деле и не нуждается ли в терапии? Оставить в одиночестве такую женщину, как Тесс, было в высшей степени неосмотрительно. Если она найдет ему замену, он даже не сможет ее в этом упрекнуть. На долю секунды его охватило желание броситься в автомобиль и помчаться к ней. Но мысль проснуться завтра в Гавре, снова проделывать путь до магазина, перечитывать почту, подписывать счета, отвечать на письма, размещать заказы, выпутываться из дурацких ситуаций, возникших за время его отсутствия благодаря неверно принятым решениям сотрудников, улаживать конфликты, опять получать плохие известия о новых налогах или ограничениях, исходящих из министерства финансов, которому, похоже, не терпится окончательно сровнять с землей предпринимателей... И это был еще далеко не худший перечень всего, что его ожидало. И хотя он, безусловно, желал Тесс, не исключено, что он даже не смог бы заняться с ней любовью, а книги – его горячая страсть с раннего детства... теперь он не мог прочитать и нескольких строк. Средства массовой информации его никогда не интересовали. Любые происшествия оставляли равнодушным, от политики воротило, он видел в ней лишь лицемерие и карьеризм.

Как он дошел до такого отвращения, презрения ко всему, он, всегда такой восторженный и боевитый? Сейчас он был в полном дрейфе, и его очень индивидуальный способ лечения от депрессий на сей раз оказался неэффективным. Правда, он находился у Сезара – да какого там Сезара, у себя, – только три недели. Возможно, этого слишком мало? Но сколько же ему тогда понадобится времени? Сколько?

Мысль о Тесс разбивала ему сердце. И об Анжелике, его дочери, думать было стыдно. Не повредит ли ее учебе то, что она слишком за него беспокоится? Мало того, что он был никудышным любовником для Тесс, он был еще и отец плохой. Работая как проклятая над дипломом инженера по логистике, Анжелика была вынуждена еще и каждый день навещать в

его книжный магазин. Уж конечно, она и понятия не имела о рабочем процессе, но ей важно было показать служащим, что они не предоставлены сами себе, что она за всем следит и все контролирует. В действительности это было абсолютно невозможно, что, однако же, не мешало ей проявлять завидное упорство.

Повернувшись спиной к кофеварке, он решил пойти спать. Не иметь *никакого* дела за целый день – это вовсе не давало ощущения отдыха, и все же было куда менее тревожно, чем иметь *слишком* много дел. И, если уж жилище Сезара стало ему спасительным пристанищем, то Матье вполне допускал, что ему следовало сделать его менее спартанским, если он собирался здесь задержаться подольше. А чтобы занять чем-то вечер, не стоило ли ему, тем более в тепле, под одеялом, с планшетом на коленях, ознакомиться с сайтами, посвященными мебелировке и отделочным работам?

Нет, не стоило.

– Да ведь у тебя просто-напросто нет *Wi-Fi* наверху! – пробурчал он, взбираясь по лестнице.

И это тоже составляло неременную часть его программы по «полному отключению». Оставалось только смотреть телевизор, какую-нибудь из идиотских программ, от которых тем не менее довольно быстро начинало клонить в сон.

Примерно в то же время Тесс опускала железную решетку своего магазинчика. Как она только что сообщила Матье, день выдался неплохой. Открыв кассу, она подсчитала выручку и осталась довольна. Да ведь многого ей и не требовалось: было бы чем оплачивать счета да еще иметь немного наличных, чтобы сохранять финансовую независимость. Амбиции ее не шли дальше того, чтобы содержать маленький магазинчик, устроенный по собственному вкусу. Раз в месяц она отправлялась в Париж, к своим поставщикам, чтобы пополнить запас товаров, и непременно старалась отыскать что-нибудь оригинальное, свеженькое, какой-нибудь нетривиальный предмет или забавную деталь. Начиналось все непросто, и первые три года она испытывала трудности, зато теперь у нее была собственная клиентура, да и с остальными продавцами подобных магазинов она неплохо ладила. Все гаврцы знали, что именно у нее они отыщут нечто эдакое, подарок по последнему слову моды, пустячок, который непременно доставит удовольствие. С скромные размеры лавочки производили впечатление, что она переполнена всякой всячиной, и это доставляло Тесс особое удовольствие. Даже и сравнивать ее не стоило с громадным магазином Матье, который поневоле вызывал у нее чувство страха, ощущение неуправляемости эдакой махины. А между тем он со всем отлично справлялся, по крайней мере, до последнего месяца, когда вдруг ни с того ни с сего погрузился в жесточайшую депрессию. Но так ли уж было это непредсказуемо? Долгие годы он работал как зверь, не переставал вводить все новые усовершенствования, идти на риски, словно задался целью превзойти самого себя. С энтузиазмом он взялся за компьютеризацию, открыл отдел канцелярских принадлежностей и даже небольшой отдел кожаных товаров. От такого объема неукротимой деятельности Матье у Тесс голова шла кругом. И не только. Он ее сильно печалил, ведь Матье стал для нее почти недостижимым. В последнее время она даже попыталась выводить его на вечерние прогулки, чтобы немного развлечь, только оказалось, что это лишь довершало его переутомление. Но однажды, когда ей удалось вытащить его в ресторан, она все же рискнула задать вопрос: за кем это он все время гонится? С непроницаемым лицом он только склонился над тарелкой и ничего не ответил. И, внимательно на него посмотрев, Тесс поняла вдруг, как мало она знает о нем, о его семье, о прошлом. Матье задавал вопросы, но никогда не раскрывался сам. Она полагала, что он менее эгоистичен, чем другие мужчины, но на деле оказалось, что он просто более скрытный, чем они.

Но, несмотря ни на что, Тесс его любила, сказать честно, она была безумно в него влюблена. Их первая встреча произошла на собрании коммерческого сообщества в центральной части города, где она его сразу выделила из остальных, как только он взял слово. Матье выра-

жался ясно, приятным голосом и говорил очень разумно. Одет он был без претензий: в джинсы и пиджак поверх белой рубашки с открытым воротом. Держался раскованно, без малейших признаков высокомерия, и, короче, понравился ей с первого взгляда. Больше, правда, она о нем не вспоминала до тех пор, пока однажды он не переступил порог ее магазина. Он выбирал подарок для дочери, к которой был приглашен на обед. Тесс очень долго демонстрировала ему разные забавные вещицы, однако он даже не смотрел на то, что она ему показывала, а смотрел только на нее с интересом, которого не пытался скрывать. Через неделю он снова к ней заглянул, просто чтобы немного поболтать, и лишь на третий раз осмелился пригласить ее выпить по стаканчику в кафе.

До этого момента Тесс привлекали исключительно блондины со светлыми глазами, как у нее самой, в то время как Матье был брюнетом с очень темными глазами и смуглой кожей. Он был высок, худощав, с широкими плечами, очень красивой формы руками и совершенно бесподобной, затаенной в уголках губ улыбкой. Ей даже не пришлось сопротивляться, и очень скоро они стали любовниками.

Тесс было тридцать семь, Матье – сорок шесть. Опытные люди, они не собирались бросаться в омут совместной жизни очертя голову и предпочли каждый жить у себя. Но почти все ночи проводили вместе, навещаясь один к другому в гости. Матье развелся уже давно, но остался в хороших отношениях с бывшей женой, которая жила теперь где-то в окрестностях Парижа. Никогда не выпускал он из поля зрения, отсюда, издалека, и свою дочь Анжелику, которая хотя и воспитывалась матерью, но обожала отца. Для того чтобы быть поближе к нему, девушка даже решила поехать в Гавр и поступить там в инженерную школу. У Тесс, разумеется, за это время было несколько не слишком удачных романов, ни один из которых не привел к супружеству. Встреча с Матье казалась ей многообещающей, и она охотно провела бы с ним оставшуюся часть жизни. Вот уж некстати, так некстати случилась эта депрессия с Матье, хуже просто ничего нельзя было придумать. И все же Тесс не теряла надежды. Ее вполне естественное желание верить в лучшее развитие событий именно с ним внушало ей уверенность, что это лишь случайная неприятность и все войдет в привычную колею через несколько недель, в худшем случае месяцев. Она хотела для себя Матье, и только Матье, и намерена была ждать, сколько понадобится.

* * *

Когда Матье навещался в Сент-Адресс, он никогда не пропускал великолепного зрелища восхода солнца над морем. И хотя дом Сезара, взгромоздившийся на склоне холма, был далеко не самым красивым зданием в этом уникальном месте, зато он был одним из самых высоких, и из его окон прекрасно просматривался весь Гавр и устье Сены. Окружен он был садом, который никогда не содержался должным образом, зато прекрасно изолировал его от соседей; еще там была гигантская терраса, окруженная колоннадой из белого камня, и абсолютно заброшенная небольшая хозяйственная пристройка, которую Сезар называл «сараем». Ни в качестве архитектурного шедевра, как многое другое в этих местах, ни в качестве типичной англо-нормандской виллы начала XX века это строение, разумеется, не могло ни привлечь внимания, ни заинтересовать, и все же оно не было лишено своеобразного шарма благодаря двум островерхим башенкам и большому арочному окну, украшавшему фасад. Сезар там родился, прожил всю жизнь, но не удосужился ни разу хоть немного о нем позаботиться. Наконец-то расчищенный от хлама, заполнявшего его сверху донизу, дом, казалось, жил теперь в ожидании, что на него наконец-то обратят внимание. Матье снова дал себе обещание этим заняться, когда ему станет лучше.

Но вот только когда? Когда наконец у него вновь появится хоть немного энергии, которая, как ему когда-то казалось, была способна горы свернуть? Он снова посмотрел на мерцавшую

вдалеке морскую гладь и контейнеровозы, скользившие между паромами. От этой картины невозможно было оторвать глаз, она его не утомляла, а, наоборот, успокаивала и каждое утро приносила немного надежды, независимо от погоды. Особенно хороши были грозовые дни, когда море выплевывало громадные брызги пены на берег у подножия холма. Из-за большого расстояния крики чаек совсем не были слышны, но зато свист ветра был так силен, что доходил до самой вершины утеса.

– Папа, ты здесь? Папа!

На террасе показалась запыхавшаяся Анжелика.

– В твое «орлиное гнездо» не так уж легко забраться, – проворчала она.

В отличие от Тесс она не опасалась побеспокоить его и не обращалась с ним как с больным.

– У тебя что, сегодня утром нет занятий, дорогая?

Он позволил себя поцеловать, отметив, что от нее приятно пахнет. Вместо ответа она взяла его за руку и повела в дом.

– Я слишком замерзла, чтобы оставаться здесь и любоваться, как туристы, – заявила она решительным тоном. – Кстати, я принесла круассаны, сейчас ты их поешь.

Забавляясь, он чуть было не возразил, что вовсе не объявлял голодовку. В кухне Матье приготовил две чашки эспрессо с помощью кофеварки, которая была здесь единственным предметом роскоши. Остальная обстановка кухни ограничивалось столом и двумя скамейками светлого дерева.

– У тебя же здесь столько свободного времени, почему ты не устроишься по-человечески? – спросила дочь.

– Я думал об этом, но в глубине души мне этого вовсе не хочется, мне ничего не хочется, я тебе уже пытался объяснить.

– Сделай усилие.

– Анж! Если ты явилась сюда, чтобы...

– Прости, папа. Но видеть тебя таким... Это сильнее меня, я не могу сдержаться.

– Все будет хорошо, если меня оставят в покое.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя навещала?

Он едва удержался, чтобы не кивнуть, но сдержался, заметив, до чего она встревожена. Ведь они так надолго были разлучены, встречаясь лишь изредка, пока она жила с матерью, и вот теперь она приехала в Гавр, чтобы поближе узнать его, лучше познакомиться с его образом жизни. В ее глазах он был необыкновенным, потрясающим, нестигаемым и монолитным, как скала, а тут получилось, что вот уже несколько недель перед ней был человек с потерянным взглядом, обессиленный, равнодушный. Он подумал об этом и ощутил тихое раздражение.

– Знаешь, в жизни бывают моменты, когда необходимо перезагрузиться, обнулить счетчики, – объяснил он спокойным тоном.

– Ты просто переработал!

– Возможно.

– Но ты добился своего.

– Чего именно?

– Ну... как чего? Ты ведь получил, что хотел, разве нет?

– Я не помню уже, чего бы я так хотел.

– Ой, вот этого только не надо...

Она достала из пакетика, уже покрытого жирными пятнами, круассаны.

– Мама всегда говорила, что ты из породы бойцов. Воин!

– Мило с ее стороны, конечно, но вояка устал.

Сдвинув брови, она посмотрела на него без снисхождения.

– Слишком легко.

– Напротив, слишком трудно. Я привык во всем рассчитывать на себя, и вдруг этот самый «я» опал, как старый носок. До сих пор я считал, что выражение «Я больше не могу» – обычная констатация факта, без всяких последствий, то есть что речь идет о простой паузе, небольшом перерыве. Ничего подобного. Отныне я отлично вижу ту конкретную каплю, которая заставляет чашу перелиться через край. Моя чаша наполнена до краев, и невозможно ничего придумать, чтобы это было иначе, как бы я ни желал. Впрочем, самого желания тоже больше нет. И, уж можешь мне поверить, меньше всего на свете я желал бы тебя разочаровать.

Анжелика посмотрела на него несколько секунд, потом молча склонила голову. Матье опечалился за нее, но обманывать дочь не хотел. Ведь он не знал, сколько в среднем может продлиться депрессия, ему не было интересно даже выяснять это в интернете. Что бы он там ни прочитал, это не изменило бы его состояния. А между тем сама эта досада уже вселила в него немного надежды. Он сердился, почти проклинал себя за то, что больше не узнавал себя, за то, что испытывал отвратительное ощущение, будто его голова и тело принадлежат совершенно другому человеку.

– Ну почему ты не хочешь посоветоваться с доктором, хотя бы просто с врачом общей практики?

– Не хватало мне еще начать пичкать себя таблетками, я и так аморфный, как амеба.

– Значит, собираешься отсиживать здесь в одиночестве?

– Я не в одиночестве. И твое присутствие тому пример.

– С тобой просто невозможно разговаривать!

Она явно собиралась вывести его из себя, однако он выдержал ее взгляд, не моргнув. У него возникла твердая уверенность, что он непременно должен избегать контактов с кем бы то ни было, в том числе и с дочерью, как бы он ее ни любил.

– Ты так ничего и не съел, – заметила девушка примирительным тоном.

Он и правда лишь отгрыз кончик круассана, а остальное раскрошил.

– Прогуляюсь немного, тогда, возможно, аппетит появится, – произнес он.

Для того чтобы немного ее поддержать, он откусил еще кусочек, с трудом проглотил и сказал, чтобы она пошла вперед, захватив кофе, а он ее догонит. Матье вовсе не хотелось ее выпроваживать, но ему отчего-то было гораздо лучше одному. За время, пока он надевал куртку, Анжелика успела сообщить, что ей стоит уйти.

* * *

На улице Фоша толпились пешеходы, подняв воротники от ветра. В Гавре стало привычным постоянно от него защищаться. Суровый ветер, дующий с моря, нигде так вольготно не бродил, как по широким прямоугольным улицам, реконструированным в послевоенное время Огюстом Перре². В верхней части улицы, недалеко от здания мэрии, тянулась длинная, ярко освещенная витрина магазина Матье. Там красовались разного рода новинки, бестселлеры, все, что было на пике моды, «самое читаемое», остроумно названное французами «прихотями сердца», иначе говоря, вкуса и настроения, часто снабженное комментариями на отдельном декоративном кусочке из кожи. Дизайнер украсил витрину и продуманно разбросанными повсюду мелочами: ручками, резаками для бумаги, чернильницами, закладками. Композицию дополняли стильные плакаты модных карикатуристов. На протяжении всего дня прохожие невольно останавливались, заглядывались на эту роскошную витрину и чаще всего, соблазненные чем-нибудь, заходили в магазин. Продавцы неизменно встречали покупателей улыбкой в

---

² Огюст Перре (1874–1954) – французский архитектор, лидер в строительстве из железобетона. Центр Гавра, почти полностью разрушенный во время Второй мировой войны, был восстановлен под его руководством. В 2005 г. он был объявлен объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

знак того, что всегда готовы прийти им на помощь, но при этом не мешали свободно перемещаться между полками, никак не беспокоя. Обстановка была комфортной для всех: в разделе, где продавались альбомы для подростков, – непринужденная, в разделе для детей – веселая, в чайном салоне – уместно интимная. На первом этаже магазина, предназначенном для взрослой литературы, посетители охотно усаживались в большие удобные кресла и перелистывали книги, а то и читали несколько глав без малейшего вмешательства со стороны персонала. На втором располагались большие цифровые стенды, путеводители в помощь путешественникам, обширная лавка канцтоваров, отобранных исключительно по оригинальности и высочайшему качеству. К началу учебного года Матье всегда умудрялся доставать нужный товар, который невозможно было отыскать у конкурентов. И, наконец, за потайной дверью имелись недоступные для посетителей туалетные комнаты и специальное помещение для отдыха персонала.

Анжелика обычно появлялась в магазине около десяти часов. Приходила она ежедневно, принимая очень близко к сердцу роль «наблюдательницы за порядком», которую добровольно на себя взвалила. Притом она отдавала себе отчет, что не в состоянии руководить этим сложнейшим, отлаженным механизмом, и нередко прибегала к помощи служащих. Например, к Наде, одной из старейших продавщиц, или бухгалтеру Корантену, который работал неполный день. Когда он бывал на месте, то обычно сидел в кабинете Матье, небольшой уютной комнатке, расположенной возле эскалаторов. Из большого окна был виден вестибюль, но Корантен обычно спускал шторм, в то время как Матье, наоборот, любил наблюдать за оживленным роением посетителей своего магазина.

– Как у вас сегодня дела? – спросила Анжелика, входя к нему решительным шагом.

– Наверное, как у всех, кто ждет решений, подписей на счетах и распоряжений для заказов! Интересно, Матье собирается возвращаться до того, как лодка окончательно даст течь?

– Трудновато приходится, да? – осторожно намекнула она.

– У меня просто связаны руки. Даже притом, что Надя мне очень помогает, я просто не знаю, до чего может дойти. Когда звонят поставщики, мы стараемся держаться на плаву, берем самый минимум, но так долго продолжаться не может.

– Да ладно, в прошлом году в это время происходило то же самое, и вы...

– Да, тогда мне пришлось выкручиваться из всего самому, нет уж, благодарю! Послушайте, я приготовил папку для Матье. Передайте ему, пусть посмотрит и одобрит либо не одобрит мой выбор.

– Не передам.

– Но почему, бог ты мой?

– Он не станет этим заниматься. Говорит, что вы прекрасно и сами во всем разберетесь.

– Да вовсе это не так! У меня...

– Он говорит, что ему на все наплевать. Понимаете?

– Ну что ж, в таком случае нас ждет катастрофа, и он станет причиной несчастья многих людей. В конце-то концов, Анжелика, скажите все-таки, что с ним происходит?

– Передозировка работой.

– Да, я знаю, он совсем себя не щадил. Отсюда и желание со всем покончить... А я-то считал его таким ответственным! Думал, что человек, способный почти в одиночку поднять такое дело, не может рухнуть в одночасье, как гнилое дерево, безо всякой причины. Служащие беспокоятся о своем будущем, о них он хоть немного думает?

– В этом можете не сомневаться.

Она подошла к окну и подняла шторм. В магазине уже было столько народу, что Наде пришлось открыть еще одну кассу.

– Если смотреть отсюда, все вовсе не выглядит так уж драматично, – с иронией заметила Анжелика.

– У нас всегда приток во время школьных каникул. Не все могут позволить себе отправить детей на горнолыжный курорт, а ведь надо же их чем-то развлекать. Февраль не самый убыточный для нас месяц. Впрочем, пока, как и все остальные. Подумать только, и это в разгар кризиса! Но так будет продолжаться лишь до тех пор, пока мы не начнем разочаровывать наших клиентов. У Матье в голове рождалось по десятку новых идей в день, он постоянно что-то изобретал, только он это умел, и его отсутствие уже чувствуется. Не понимаю, почему даже вам не удастся его расшевелить, Анжелика?

Безграничная вера Корантена в то, что успех возможен только при участии Матье, была вполне искренней, как и несомненная к нему симпатия.

– Давайте документы, требующие немедленной подписи, – отрезала Анжелика, показывая на папку. – По крайней мере, уж это он сделает, а я вам завтра их принесу, ближе к вечеру.

Это означало, что она вновь увидится с отцом, хотя тот и в прошлый раз довольно скептически отнесся к ее визиту, и она это понимала. Корантен протянул ей большой конверт, улыбаясь, довольный, что одержал эту маленькую победу.

– До завтра, – вздохнула она, выходя из кабинета.

Она прошла через вестибюль книжного магазина, который по-прежнему казался оживленным. Надя издали, прикованная к кассе, помахала ей рукой, а встречавшиеся на пути служащие приветливо здоровались. Все теперь ее хорошо знали, однако никто у нее ничего не спрашивал. Выйдя из здания, Анжелика прошла вдоль витрины, даже на нее не взглянув. Визиты в магазин ничего не меняли, и тем не менее она бывала там почти каждый день. Ведь единственным звеном, соединявшим магазин с Матье, который не показывался там уже несколько недель, была она, и, заходя туда, Анжелика надеялась таким образом немного успокоить персонал.

Когда Анжелика очутилась на улице, ей показалось, что ветер стал дуть с еще большей силой, чем несколько часов назад, когда они с отцом сидели на террасе. Неужели он так и продолжал смотреть на море весь день, с утра до вечера? Она больше не узнавала его и чувствовала себя потерянной. Что случилось с ее потрясающим отцом, который сердечно, распахнув объятия, встречал ее в Гавре, безумно счастливый, что для учебы она выбрала именно этот город? Он отыскал для дочери хорошее жилье, поселил, снабдил всеми нужными адресами, чтобы она не испытывала никаких затруднений с местной инфраструктурой. Очень тактично и осторожно он пополнял ее счет в банке, чтобы она была спокойна и могла полностью посвятить себя учебе. Заходя в магазин Матье, Анжелика восхищалась энергичностью отца и очень гордилась тем, что его дело процветает. И вот внезапно он все бросил и уединился в этой странной халупе, не желая больше говорить ни о ком и ни о чем! Что все-таки могло послужить толчком для кризиса? Только ли рабочая усталость? Она в это не верила и дала себе клятву вытащить его из этого состояния. В возрасте Анжелики – а ей было двадцать лет – слово «депрессия» означало нечто абстрактное, иными словами, выглядело фальшивым аргументом.

Подняв выше воротник и поправив шарф, она быстрыми шагами направилась в свою инженерную школу³ на набережной Фриссар, идущей вдоль гавани Вобан. По дороге она размышляла о том, как бы ей завтра утром поинтересней вынудить отца подписать эти чертовы бумаги.

* * *

Матье повторил вопрос чуть громче, четко выделяя каждый слог:

– Как тво-е здо-ровье? Что го-во-рит док-тор?

---

³ Речь идет о Высшей школе логистических исследований (*ISEL*) при Гаврском университете, входящей в число 210 французских инженерных школ, выдающих диплом инженера после пятилетней учебы.

– Я в полном порядке, – ответила мать.

Говорить с ней было нелегко, но, как ни странно, лучше всего она его слышала именно по телефону. Матье с глубокой грустью подумал, что вынужден обращаться с ней как с ребенком. Несколько месяцев назад он впервые отдал себе отчет в явной деменции матери. Она вечно всем была недовольна, ни с кем в доме престарелых не хотела завязывать знакомства, ничем не интересовалась. Но, к несчастью, она уже была не в состоянии ухаживать за собой сама, и у него не осталось выбора. Не так-то легко было уговорить ее выехать из собственной квартиры, и Матье пришлось прибегнуть к помощи троих его братьев, чтобы убедить мать в необходимости предпринять это радикальное изменение жизни. Дом для пожилых людей, нуждавшихся в медицинской помощи, который он для нее нашел, задействуя все свои связи, был большим, комфортабельным, с очень приятным парком и многочисленным персоналом. Увы, они мало трогали Мишлин, все эти птички с цветочками. Теперь она жила в прошлом, не понимая и не отдавая себе отчета в том, что ее четверо сыновей уже не с ней.

– Как сегодня с аппетитом?

– Все так же, ничего не изменилось. Мне страшно надоело здесь, и я хочу домой.

Обескураженный, Матье постарался скрыть от нее глубокий вздох.

– Это невозможно, мама.

– Твои братья никогда ко мне не приходят. Да и ты тоже.

Действительно, с начала депрессии он к ней не приходил. Но зато раньше, как бы ни был занят, непременно посещал мать по меньшей мере дважды в неделю, хотя было очевидно, что его визиты нисколько ее не поддерживали и не настраивали на оптимистичный лад. Ведь ей хотелось только одного: быть в окружении близких и так же править своей маленькой семьей, как и в прошлом.

– В данный момент я в очень тяжелой ситуации.

Что ж, ему пришлось немного приврать, хотя вряд ли она была способна сейчас что-либо понять по-настоящему.

– Как в тяжелой ситуации?! – воскликнула она. – А я почему ничего об этом не знаю? У тебя проблемы с деньгами?

– Нет, нет, успокойся...

– Сейчас я пойду оденусь. Или ты думаешь, что я все время красуюсь в домашнем халате?

Ладно, когда ты теперь придешь?

– Через несколько дней.

– По возвращении откуда?

– Целую тебя, мама! – почти прорычал он.

– Я тебя тоже целую, мой мальчик. Буду тебя ждать.

Измученный, он отключился. Эти ничего не дающие им обоим разговоры повергали его в отчаяние. Собственно, почему именно ему пришлось взять на себя всю заботу о матери? А ведь при всем том он даже не был ее любимым сыном! Она мечтала о дочери, еще когда ждала первого ребенка, но родился мальчик. Немного огорчившись, мать назвала его Фабрисом и тут же поспешила зачать следующего ребенка. И опять это был мальчишка, Жан, а вслед за ним – Сильвен. Жестоко разочарованная, она тем не менее стала для этих троих прекрасной матерью. Спустя несколько лет она захотела продолжить эксперименты, пока не выйдет из детородного возраста, и возложила все надежды на будущего младенца. За время беременности она ни разу не поинтересовалась полом будущего ребенка, которому, не покладая рук, вязала розовые распашонки и пинетки, убежденная, что сила ее желания победит и судьбу, и природу. И вот тогда родился он, Матье. Отчаяние сделало ее желчной, почти агрессивной. На протяжении всего детства Матье ощущал, что она не очень-то его любила. Старшие братья тоже не могли компенсировать ему недостаток материнской любви, потому что они были ближе друг

к другу по возрасту и образовали нечто вроде тройственного союза, куда не допускался «этот мальчишка».

Не в прошлом ли была скрыта эта сверхактивность Матье? Иногда ему казалось, что именно отношение к нему матери было причиной его жгучего желания преуспеть, доказать свою ценность. Возможно, неосознанно он всегда стремился добиться большего, чем кто бы то ни было, чтобы обрести наконец положенную ему толику любви?

На Сент-Адресс обрушился ледяной дождь. Матье встал и подошел к эркерному окну. Каждый раз, когда он смотрел в это окно, у него создавалось впечатление, что он парит над округой, прижатый к склону холма. Внизу море, охваченное приливом, обрушивало на прибрежные камни огромные волны, окаймленные кружевом пены. Картина была грандиозной, устрашающей. Матье невольно подумал о том, скольким судам сейчас угрожает опасность от столкновения с разнузданной стихией.

Дождь бил о стекло с таким неистовством, что Матье машинально отступил. Отдельные фрагменты стекла были разбиты, их давным-давно пора было заменить. Мысли его вернулись к матери, которая продолжала доживать свои горькие последние дни. Почему она всегда звонила именно ему? Фабрис, Жан и Сильвен чаще всего ссылались на занятость и редко брали трубку. Но Матье, даже если был перегружен работой, всегда находил минутку, чтобы с ней поговорить, и она этим пользовалась. Те трое и без того всегда нашли бы оправдание в ее глазах, но его она, не задумавшись, назвала бы чудовищем, если бы он уклонился от разговора. И тем не менее Матье просто умирал от желания послать ее куда подальше. Эгоизм стариков иногда бывал просто невыносим, и у Матье давно иссяк источник сострадания и сочувствия. Следовало бы все-таки призвать к порядку братьев, чтобы они больше интересовались судьбой матери, но неизбежность столкновения с ними мешала решиться на этот шаг.

Ветер не унимался, теперь он завывал со всех сторон, хотя наступила уже вторая половина дня. Неужели так быстро пришел вечер? Как бы долго Матье ни слонялся, совершенно бесцельно, из угла в угол по дому, часы продолжали бежать довольно резво. Интересно, ел ли он что-нибудь после того поджаренного, а скорее горелого, хлеба за завтраком? Одежда теперь на нем болталась, и ему пришлось гвоздем проковырять на ремне две дополнительные дырки. Он вдруг подумал о том, с каким удовольствием он всегда усаживался за столиком напротив Тесс в их любимом кафе. За многие месяцы они приобрели привычку время от времени заходить в кафе «Пайетт», симпатичное заведение с традиционной кухней, где они с удовольствием лакомились морепродуктами или угощались жареными мидиями. Но в те чудесные моменты Матье всегда куда-нибудь спешил, телефон постоянно лежал на столе в ожидании сообщения или звонка, чтобы, не дай бог, не пропустить, да и мысли его витали вокруг магазина, куда ему не терпелось поскорее вернуться. Тесс это не нравилось, конечно, ему лучше было бы поговорить с ней, а не предаваться своему неблагоприятному занятию – прокручивать в голове деловые цифры. Да, что ни говори, его успех – это было своего рода умопомрачение, помешательство, ловушка, одним словом.

Придя в кухню, он открыл холодильник, окинув мрачным взглядом йогурты и ветчину. С помощью диеты вряд ли ему удастся выйти из депрессии. Сдвинув в сторону банки с компотом, который терпеть не мог, но все же купил, из самой глубины полочки он выудил крошечную баночку с фуа-гра, которую однажды принесла дочка, надеясь доставить ему удовольствие. Да, сейчас он именно так и поступит – доставит себе удовольствие! Даже не взглянув на минералку и кофе, решил откупорить бутылку вина. Алкоголем, конечно, ничего не решить, и все же стаканчик-другой сент-эстефа куда лучше повлияет на него, чем любой транквилизатор.

Садясь за стол, он бросил взгляд на письмо, полученное еще вчера, которое привело его в недоумение. Прежде всего потому, что никто никогда не писал ему сюда, в Сент-Адресс, и тем не менее оно было адресовано ему и лежало в его ящике. Потом, он никогда не был знаком с кузенами Сезара, едва вспомнил об их существовании, когда они были тогда у нотариуса,

знал только, что жили они в Южной Африке, в Йоханнесбурге. Однако содержание письма его озадачило. Как оказалось, кузены считали, что дом Сезара должен принадлежать им, и были возмущены этой скоропалительной сделкой, которая привела к тому, что Матье стал его владельцем всего лишь после года знакомства с Сезаром. Не имея возможности оспаривать законность сделки, они теперь взывали к совести Матье и его чувству справедливости, чтобы отвоевать то, что, по их мнению, принадлежало им по праву. Они собирались вернуться во Францию и рассчитывали там жить *в собственном владении*. Тон письма был очень сухим, едва ли не оскорбительным.

– Да они просто чокнутые... – пробормотал Матье.

Но вместо того, чтобы проглотить первый кусочек, даже не чувствуя вкуса, Матье, наоборот, постарался сделать это с наслаждением. Фуа-гра оказалось отменным, в меру посоленным и поперченным. Сезар ведь лишь однажды упомянул при нем о своих кузенах, к которым, по-видимому, не питал большой привязанности, да и вообще не принимал их всерьез. И вот эти люди отчего-то вообразили, что Матье возьмет да и вручит им ключи от дома. Дудки! Здесь он был у себя, особенно после того, как решил устроить тут убежище. Когда становилось уж совсем невмоготу, он даже громким голосом разговаривал с Сезаром, уверенный, что душа старого друга продолжает витать в этих стенах. И, несмотря на всю ветхость и заброшенность, этот дом, казалось ему, давал надежную защиту – то, в чем Матье сейчас нуждался больше всего. Нет уж, кузенам из Йоханнесбурга придется довольствоваться тем, что они уже урвали, и пусть ищут себе крышу в другом месте.

Он взял еще кусочек фуа-гра, налил вина. Если уж к нему вернулся аппетит, не было ли это обнадеживающим знаком?

– Твое здоровье, Анжелика!

Полная нежности улыбка заиграла на его губах, и он снова принялся за еду, прислушиваясь к неистовому свисту ветра.

* * *

Мишлин нервничала из-за мобильного телефона, в котором никак не могла разобраться. Клавиши крошечные, экран нечитаемый. Матье предупредил, что эта модель для нее будет неудобна, но она уперлась, захотев именно ее. Не нужны ей вовсе все эти старушечьи модели! Она так прямо и заявила продавцу, когда они зашли в магазинчик. И получила свое, несмотря на расстроенный вид Матье. По крайней мере, он хоть проводил ее в магазин. Время от времени он выкраивал пару часов, чтобы навестить мать или вывести на прогулку. Несколько первых месяцев так и было, и вдруг на тебе – всему этому пришел конец. Последние несколько недель он ссылался на сильную занятость, да только она ему ни капельки не верила. Разве так уж трудно заведовать книжным магазином, где полно сотрудников помимо него? Неужели нельзя выбрать немного времени и отлучиться? Носится он с этим книжным магазином, словно невеста с чем, а ведь это просто торговля, как всякая другая. Да, магазин большой, даже слишком большой, уж не развилась ли у него мания величия? Нужна ли махина в несколько этажей, с огромными креслами и эскалаторами, чтобы торговать книжками? Правду сказать, теперь он хорошо зарабатывал себе на жизнь этими книжками, и это вполне справедливый ход вещей, раз уж с самого детства он не отрывал носа от этих чертовых книжек. Вспомнить, так у него всегда одна книжка была в руке, другая – возле кровати, третья – на подлокотнике кресла, четвертая – за столом. Братья подтрунивали над ним, называли «мечтателем», что на их тайном языке означало «телок». Это на него так подействовало, что с детства он стал заниматься боевыми видами спортивной борьбы. А уж его мужественность вообще была вне всякого сомнения: до женитьбы он сменил немало подружек. Женитьба его была не менее скоропалительной, чем все, что он делал. По счастливой случайности родилась прелестная Анжелика. Но вскоре жена,

когда устала и от него, и от его книжного магазина, сбежала, прихватив с собой девчонку и бросив Матье в полном отчаянии. Дочь он обожал, тяжело переживал ее отсутствие, и вот тогда по-настоящему, с головой, ушел в работу, хотя и раньше не вылезал по десять часов из своих стеллажей. Жизнь, похоже, так ничему его и не научила.

Мишлин с трудом поднялась с кресла с помощью палки. Врачи ей объяснили, что эти боли, связанные с возрастом, вылечить невозможно. Изношенность межпозвонковых дисков. Износ хрящей... Значит, и они изнашиваются, как зрение, слух, память? Ох, до чего же неприятно, когда тебе все время напоминают о твоём возрасте! Ну надо же такому случиться, что ее голова, которая была в полном порядке, стала пленницей этого разрушающегося тела; она приходила в отчаяние оттого, что постепенно ей становились недоступными даже такие простые вещи, как одеться или помыть голову.

Свободной рукой она подтащила к себе шаль, валявшуюся в ногах кровати, и неловко накинула ее на плечи. Почему все-таки Фабрис и Сильвен никогда ее не навещают? Жан, тот, по крайней мере, жил в Лондоне, ему было простительно, хотя на электричке, соединявшей Портсмут с Гавром, можно преодолеть Ла-Манш за четыре часа. Неужели Жан не мог высвободить для нее один-единственный выходной? Но он тоже постоянно ссылаясь на загруженность работой, заключающейся, насколько она поняла, в каких-то темных делишках с недвижимостью. Фабрис, тот объяснял нехватку времени заботой о своем многочисленном потомстве. Пять сыновей, конечно, не шутка, тут есть чем заняться. Но эти милые крошки уже достаточно подросли, чтобы на один день обойтись без забот папочки. Ведь жил Фабрис в Руане, совсем недалеко, и не должен был уж совсем забывать о матери. Оставался еще Сильвен, парижанин, настолько привязанный к столице, что никогда, решительно никогда и никуда не отлучался за пределы ее окрестностей.

«Вот была бы у меня дочка... Девочки всегда ближе к матери, они любящие и заботливые. Мальчики отдаляются от матерей еще подростками, живут собственной жизнью, не оглядываясь на прошлое. Да мне еще и повезло, что они все здесь, а не на другом конце Земли. Впрочем, что это меняет, если я их совсем не вижу!»

Сожаления по поводу так и не родившейся дочери до сих пор мучили Мишлин. До самой смерти будет она сетовать, что нет у нее этой желанной девочки. Особенно подкосило ее тогда рождение Матье. Он-то ни о чем не догадывался, бедный малыш, лежа в своей колыбельке, но у нее порой возникало желание вышвырнуть его оттуда. Родив первых троих, она еще продолжала надеяться, но тут окончательно пала духом, осознала, что осталась в проигрыше. Отец, наоборот, был счастлив, говорил, что скоро соберет у себя дома целую футбольную команду, смеялся от души. Увы, он ушел слишком рано, скончавшись за два часа от разрыва аневризмы. Мишлин тогда осталась совсем одна, поскольку Матье как раз только что покинул родной очаг. Мишлин так и не удалось привыкнуть к пустоте и тишине ее квартиры, и она ушла оттуда без всякого сожаления, сменив ее на другую, поменьше, где в полном одиночестве прожила еще двадцать лет. Потом пришлось нанять девушку, помогавшую по хозяйству и ходившую за покупками. Сама Мишлин передвигалась все хуже и хуже, каждый шаг причинял ей невыносимую боль. Поэтому, в тоске и ужасе, она позволила переселить себя в дом престарелых, который она терпеть не могла, но здесь ей предстояло умереть. Да и была ли у нее другая перспектива? Стареть тяжело, но это неизбежность. И никто из сыновей не собирался ее поддержать.

Она окинула взглядом парк, на который выходили окна постояльцев. Скоро, очень скоро ей понадобится инвалидное кресло-каталка, чтобы прогуливаться по его аллеям. Глубоко вздохнув, она потуже стянула шаль на груди.

* * *

Тесс была очень благодарна Анжелике, которая имела все основания ее не любить, ведь большинство девушек подсознательно терпеть не могут любовниц отца. Эти двое прониклись друг к другу симпатией с первой встречи и охотно проводили вместе время, даже в отсутствие Матье.

– О! До чего мне это нравится! – воскликнула Анжелика.

Она остановилась перед эмблемой из стекловидной эмали, на которой было выведено: «Артистическое кафе», и сразу поинтересовалась ее ценой.

– Двенадцать евро, сзади написано. Я всегда ставлю цену, чтобы у покупателей не было неприятных сюрпризов.

– У тебя в магазинчике всегда отыщешь необычную вещицу... Я куплю ее для папы, это немножко скрасит его мрачную кухню в Сент-Адрессе.

– Раз уж это для него, я тебе ее дарю, – ответила Тесс, улыбаясь.

– И мы привезем ее сегодня же вечером!

– Не стоит. Ты же знаешь, что он не в восторге от неожиданных визитов, а тем более сюрпризов.

– Да плевать мне на это, – возразила девушка. – Если мы будем ждать приглашения, то никогда не дождемся.

– Ему сейчас нужно побыть одному.

– Да это ему так кажется. Грустить, забившись в свой угол, – это не решит его проблему.

Тесс подошла к двери магазина и закрыла ее на ключ, прежде чем нажать кнопку, спускающую железную решетку.

– Закроюсь сегодня немного пораньше, после обеда вообще не было посетителей.

Она подождала, пока решетка закончит спускаться, издав нечто вроде писка, и тогда повернулась к Анжелике.

– Похоже, Матье и сам не может определить, в чем его проблема.

– По крайней мере, он хотя бы ее не отрицает, понимает, что она существует.

– Да, но он ее не осознает. Он сам себе хозяин, следовательно, персонал магазина не может его травить или преследовать, ведь никто не сомневается в его исключительных способностях. Его высоко ценят с профессиональной точки зрения все, и у него нет проблем с деньгами... Мне кажется, его «выгорание» связано исключительно с чрезмерной работой. Вместо того чтобы все делать постепенно, он старался успеть все одновременно, при этом замораживаясь буквально на каждой мелочи, он стал раздражительным, иногда просто циничным, и это он-то, всегда такой сердечный и отзывчивый! Он поступил правильно, решив отказаться от своих привычек и предпочесть полное уединение. Вот теперь ему очень не помешал бы хороший психиатр. Я убеждена, что ему необходимо выговориться, но этим человеком не должны быть ни ты, ни я.

– Есть у тебя кто-нибудь на примете?

– Да, есть. Один мой друг, очень знающий и опытный. Хорошо бы Матье согласился с ним встретиться, хотя бы один раз...

Тесс вздохнула, убежденная, что уговорить Матье вряд ли удастся.

– Ну а пока, – предложила Анжелика, – мы поступим, как я и сказала: сегодня вечером нагрянем к нему на ужин. Вряд ли все же он укажет нам на дверь! И потом, я принесу ему прелестную эмблему «Артистического кафе», это станет первым шагом к обустройству его квартиры.

Пребывая в сомнении, Тесс колебалась. Она не чувствовала себя вправе переступить порог уединенного жилища Матье, да и побаивалась, что он мог запросто ее выпроводить,

если она заявится. Но соблазн был слишком велик, тем более что инициатива исходила от Анжелики.

– Ладно, – сдалась она, – попробуем рискнуть. Давай уж тогда заглянем в кафе и купим его любимые блюда?

Анжелика просияла милой и благодарной улыбкой.

– Ты для него на все готова, да?

– Он того заслуживает.

– Но уж никак не сейчас!

– Может, ты и права, но депрессия Матье не мешает мне все так же сильно любить его, как раньше. Не каждый день встречаются такие прекрасные люди, как твой отец.

Они вышли из магазина с черного хода во двор, а затем на проспект Рене-Коти. Тесс очень осмотрительно выбрала место для своей лавки, посреди оживленного квартала, откуда отправлялся фуникулер, которым охотно пользовались многие жители, предпочитая его многочисленным лестницам, соединявшим нижнюю и верхнюю части Гавра. Над городом навис туман, стало намного холоднее, как всегда в вечернее время.

– Встретимся внизу! – бросила Тесс. – Ты иди, а я пока заскочу в кафе.

Так Анжелике пришлось бы первой столкнуться с сомнительным приемом Матье.

* * *

Ну уж раз он теперь один, почему бы ему и не поплакать? Множество людей утверждали, что слезы освобождают, по крайней мере, приносят облегчение. Однако Матье сомневался, тем более что не чувствовал себя несчастным. Только очень усталым, измученным, ненавидящим все на свете. А эти чувства были далеки от настоящего горя. И когда он представлял, где бы хотел оказаться сейчас, если бы перед ним возникла фея с волшебной палочкой, ответ был один: здесь, в Сент-Адрессе, где, по крайней мере, рядом с ним были теплые воспоминания о Сезаре.

Часть дня он провел на террасе, подставив ветру лицо и не сводя взгляда с моря. Если чего ему и не хватало, так это бинокля или подзорной трубы: тогда бы он мог следить за движением судов и ни о чем не думать. Ни о Тесс, которая рано или поздно от него уйдет, ни о книжном магазине, что при его долгом отсутствии неминуемо пойдет ко дну. Нет, он смотрел бы только на скользящие по морской глади суда, внушающие ни с чем не сравнимое спокойствие. Все эти годы, что он метался между стеллажами, расставляя книги, вскрывая картонные коробки, контролируя заказы, принимая посетителей, проверяя, соблюдены ли сроки к концу месяца, разве не утратил он такую важную и необходимую способность – любоваться морем? Как только он вступил во владение домом, не должен ли он был с первых же дней проводить здесь свободное время, наслаждаться отдыхом, восстанавливать энергию и силы? Тогда, может быть, обошлось бы без этой глубокой депрессии. Вот в какую тяжелейшую ошибку вылилось то, что он не позволил себе хотя бы несколько дней отпуска! А теперь, когда времени у него было *сколько угодно*, чего он хотел от жизни?

– Папа! Ты все еще тут? Так легко и с голоду помереть!

За ним открылась стеклянная раздвижная дверь, и, повернув голову, он увидел, что Анжелика пришла не одна. На пороге колебалась – переступить его или нет – Тесс, нагруженная пакетами. Вид у нее был смущенный.

– Мы пришли к тебе на ужин, – продолжила дочь непринужденным тоном. – У нас с собой яйца в желе, окорок, запеканка и две бутылочки красного сухого вина.

Он улыбнулся тому, насколько хорошо Тесс были известны его вкусы. Будь он хотя бы слегка голоден, он бы обрадовался.

– Угощает Тесс, – уточнила дочь, сдвинув бровки.

– Спасибо, вы просто потрясающие, – выдавил он из себя.

На самом деле Матье вовсе не приводило в восторг это неожиданное вторжение с перспективой не переменного общения, разговоров, еды, короче, необходимости делать хорошую мину при плохой игре. Притворяться он сейчас совсем не хотел. Но, с явной неохотой оставив свой наблюдательный пост, он проследовал за гостями.

– Есть у тебя здесь где-нибудь молоток и гвозди? – спросила Анжелика.

– Зачем тебе? Хочешь меня распять?

– Нет, просто повесить мой подарок.

Эмблема «Артистического кафе» вызвала у него улыбку, больше напоминавшую гримасу.

– Это первый камень, папа! Нечто очень личное, твоя первая вещь, которая здесь появится.

Поскольку Тесс все еще молчала, Матье подошел к ней и обнял за плечи.

– Из твоего магазина? Мне очень нравится... Да, у Сезара, кажется, была коробка для инструментов, которую он держал под раковиной.

В ящике оказались молоток с выскакивающей ручкой, выщербленные плоскогубцы и несколько ржавых гвоздей, и все же Анжелике удалось пристроить табличку прямо посреди голой стены.

– Главный кубок большой гонки! – воскликнула она с воодушевлением. – Хочешь, я займусь обустройством как профессионал?

– Нет уж, спасибо, – возразил Матье слишком резко. Но, увидев, каким несчастным сделалось лицо дочери, он тут же добавил: – Кстати, о какой гонке шла речь?

– Гонки в поисках счастья.

Растроганный, но вместе с тем раздраженный, Матье поднял глаза к небу. Какого черта всем им так хотелось вмешиваться в его жизнь? Она сейчас находилась на мертвой точке, и желание других видеть его счастливым ничего не могло в ней изменить. Повернувшись к Тесс, он с огромным трудом постарался ей улыбнуться. Неужели скоро он совсем будет не в состоянии изображать хоть какую-нибудь любезность?

– Ладно, я накрою на стол, – предложила Тесс. – Духовка у тебя работает? Запеканка...

– Кажется, да. – Ему хотелось убежать, бежать без оглядки отсюда, вниз, на берег, и усесться там на песке. Но разве мог он оставить одних дочь и женщину, которую любил?

Смирившись, он сел на краешек стола, спустив ноги на скамью.

– Ну просто последний писк моды, все эти разномастные бокалы! – съязвила Анжелика.

Матье перехватил взгляд Тесс, которая молила ее не продолжать. Мило с ее стороны, конечно, но только он не нуждался, чтобы с ним обращались как с тяжелобольным.

– Сезару было хорошо в этом доме, каков бы он ни был, – решил он все же призвать их к порядку.

– Вряд ли! – возмутилась Анжелика. – При нем здесь появилось столько ненужного хлама, что казалось, будто ты посреди ярмарки для бедняков. Не случайно же ты раздал все это добро его кузенам? Если уж тебе так нравилось барахло Сезара, ты бы оставил его себе.

– Я не стал серьезно все переделывать, потому что мне приятно ощущать присутствие Сезара.

– О, вот только не надо создавать культ поклонения этому старому алкоголику!

– Не оскорбляй его.

– Я правду говорю, он был настоящий пропойца.

– Ну и что из того? Ты ведь его почти не знала, Анж. Поэтому не смей его осуждать.

У него уже не хватало сил вступать в конфликт с дочерью, и он лишь сердито махнул рукой, давая понять, что тема закрыта. Вид блюд, которые тем временем молча распаковывала Тесс, вызвал у него одновременно и чувство умиления, и приступ легкой тошноты. Он поти-

хоньку сглотнул, отводя взгляд от яиц в желе. Несколько недель назад он тут же набросился бы на них.

– Ну что, вздрогнем? – предложила Тесс, поставив вино на стол.

Он заставил себя отпить глоток, снова попытавшись улыбнуться. Предстоящий вечер показался ему испытанием. Поддерживать разговор, притворяясь веселым или хотя бы в нормальном настроении, было для Матье чем-то, превышающим его силы, а ему невыносимо было чувствовать себя в таком состоянии. Господи, он же любил Тесс, обожал дочь, а между тем он сейчас отдал бы все на свете, только бы они ушли. Он чуть было не высказал этого вслух, но все же ему удалось одержать над собой победу и промолчать – правда, эта победа не принесла ему ни малейшего удовлетворения.

Глава 2

Эта парочка уже несколько раз проходила мимо его дома. Шли они медленно, держась под ручку, на вид самые обычные прохожие, которые любят живописными постройками городка. Однако все их внимание было сосредоточено на доме Сезара, который далеко не был таким уж примечательным.

– Ты хорошо его запомнила? – спросил Альбер у сестры.

– Да не так чтобы очень... теперь дом выглядит совсем ветхим.

– Да, Сезар, наверное, плохо приглядывал за ним, раз позволил дому дойти до такого состояния.

– Сезар был просто старым безумцем, – ответила Люси с презрительной миной. – Подумай только, сколько денег он просаживал на выпивку и оставлял в казино? Разбазаривал направо и налево все свое имущество, вместо того чтобы подумать о семье!

Они остановились на тротуаре напротив дома, чтобы получше разглядеть фасад.

– Разбазаривал, это ты хорошо сказала, – одобрил Альбер. – Спустил сперва лавку, потом дом, и, якобы по чистой случайности, одному и тому же покупателю! Не сомневаюсь, что этот типчик, Матье Каррер, его облапошил. Вряд ли здесь все было безупречно с точки зрения закона. Наверняка есть какая-то лазейка, что-то, за что можно зацепиться...

– Мы сумеем это найти.

Альбер перевел взгляд на сестру и улыбнулся.

– Правильно говоришь. Найдем или придумаем, но я обещаю, что эта халупа будет нашей. Стоит приложить к ней руки, отделать со вкусом, и выйдет картинка... да притом еще и дорожная. Оглянись вокруг, видела ты, чтобы хоть где-нибудь продавали участки? Эти места в большой цене. Да и всегда так было! Местечко для богатеньких, а они очень любят жить уединенно.

Услышав, как открывается окно, они отступили на шаг, но потом снова прошли вперед, бросив беглые взгляды на чей-то силуэт, появившийся на террасе.

– Думаешь, это он? – прошептала Люси.

– Говори нормально, он слишком далеко, чтобы нас услышать. А кто еще, кроме него? Однако я не знал, что он здесь живет, нотариус дал мне другой адрес.

Дойдя до конца улицы, которая затем резко обрывалась вниз, они в последний раз обернулись на дом.

– Издалека у домика еще вид ничего себе, правда? Ну а сад каков! Ничего, что он такой неухоженный, зато громадный, а здесь это большая редкость.

Альбер сжал кулаки, его черты исказила злобная гримаса.

– Он будет моим, – пробормотал он. – Когда я был еще ребенком, я здесь играл, он мне принадлежит!

Люси кивнула, хотя прекрасно знала, что они приезжали сюда всего два-три раза. Родители считали Сезара едва ли не дурачком и не строили насчет него никаких планов. Приезды их сюда были очень беглыми, они слишком быстро от него уставали. Позже они вообще переехали в Южную Африку и никогда не старались поддерживать связь с Сезаром. Гораздо позже, когда родители Альбера и Люси давно умерли, они были удивлены доставшейся им небольшой суммой наследства, вырученной от продажи движимого имущества. Сумма была жалкой, однако она пробудила в них воспоминания, равно как и охотничий азарт. Тем более что они готовились к переезду во Францию и нуждались в деньгах.

Живя в Йоханнесбурге, в молодости они недурно провели время, ничего не делая, но со временем появились денежные проблемы. Браки обоих распались, волей-неволей это их сблизило, и они даже затеяли что-то вроде семейного бизнеса, но и тут ничего путного у них

не вышло. Тогда оба пришли к выводу, что лучше всего было бы вернуться в Нормандию, где для них могли открыться новые горизонты, в особенности если бы удалось наложить лапу на виллу в Сент-Адрессе. Не имея в Южной Африке никаких душевных привязанностей, оба распродали жалкие остатки своего имущества и взяли билеты на самолет до Парижа.

Люси верила в брата, как в свое время она доверяла родителям или мужу в период их совместной жизни. Она не представляла себе иной жизни, кроме как под защитой и покровительством мужчины, и это несмотря на то, что она была старше брата на три года, да к тому же прекрасно знала о его недостатках.

Альбер был слишком импульсивен и мог очертя голову ринуться неизвестно куда, однако она никогда его не пыталась остановить, поскольку сама не обладала подобной решимостью. Знала она и то, что он упрям до одержимости и способен на отвратительные поступки. Когда приходили черные времена, что случалось довольно часто, у него всегда находились отговорки, которым она якобы верила. Благодаря этим неписаным соглашениям они неплохо ладили.

– Пойдем-ка сначала к нотариусу, – заявил он, увлекая сестру за собой.

Внизу холма Сент-Адресс под зимним солнцем море так жизнерадостно мерцало, что, казалось, вот-вот наступит весна. Но холод был настолько колюч, что они ускорили шаг, спускаясь по крутым змеевидным улочкам.

* * *

Матье злился, что согласился на встречу, но Тесс с Анжеликой решили бороться с ним не на жизнь, а на смерть, так что он в конце концов сдался, во-первых, чтобы их успокоить, а во-вторых, чтобы окончательно с ними не рассориться.

Но психиатр, перед которым он теперь сидел, отчего-то не вызывал у него ни малейшего желания ему исповедоваться.

– Значит, вы слишком много работали все эти последние годы?

– Да, я очень много работал и находил в этом удовольствие. Затеять какое-нибудь новое дело было для меня своего рода планкой, которую я перед собой ставил и которую преодолевал с энтузиазмом.

– Планка? Что же вас подталкивало ее ставить?

– Ничего. Я сам ее ставил.

– И вы считаете, что добились желаемого?

– Вполне. Пройдите как-нибудь мимо витрины моего книжного магазина, и вы поймете.

– Да, я знаю ваш магазин, – спокойно сказал психиатр. – Да и кто же в Гавре не знает его? Итак, когда ваша цель была достигнута, у вас возникло желание... пустить все к черту?

– Ну уж нет! Я столько в него вложил, так самоотверженно трудился! А потом в один прекрасный день вдруг от этого ничего не осталось. Пружина лопнула без всякой причины. Так вот, однажды утром я встал с мыслью, что лучше всего было бы сейчас добраться до моря и утопиться.

– Неужели?

– Клянусь, такая мысль пронеслась в моей голове. Меня охватила такая усталость, что захотелось умереть.

– Вы что-нибудь пытались предпринять?

– Конечно. То возбуждающие средства, то, наоборот, снотворные. Но кончилось тем, что я выбросил все рецепты. Дошел однажды до своего магазина, посмотрел на витрину, развернулся и отправился обратно. Одна мысль, чтобы войти туда, вызывала у меня тошноту. Я вернулся домой, но и там было то же самое, мне и дома не хотелось находиться. Меня очень испугало это ощущение отвращения ко всему, неприятие всего на свете. И тогда я потащился в другое место, добрался до дома Сезара... вернее, моего дома в Сент-Адрессе. Он почти все

время пустовал, я там не жил, не считая двух-трех выходных, что провел в нем. Но, странное дело, там я сразу успокоился. Точно кролик, нашедший наконец свою клетку. И мне никуда больше не захотелось оттуда выходить.

Матье прервал свою речь, скрестив руки на груди. Несмотря на все его сомнения, этому типу все же удалось его разговорить. У Матье сложилось впечатление, что Тесс рекомендовала его с излишней настойчивостью. «Это очень, очень хороший *специалист*, – говорила она, – просто *потрясающий* парень, психиатр от Бога, замечательный человек». Неужели и правда он был настолько исключителен? Не был ли он ей ближе, чем просто друг? Разглядев его получше, Матье пришел к выводу, что он действительно привлекателен, к тому же моложе, чем он сам. Звали его Бенуа Левек, и, похоже, практика его шла успешно, судя по изящной мебелировке кабинета.

– Иными словами, этим вы сейчас и занимаетесь, то есть носы оттуда не показываете?

Голос у него был мелодичный, хотя он старался придерживаться нейтрального тона.

– Так и есть.

– Вас устраивает постоянное пребывание в этом месте?

– Да не сказал бы. Мне не стало ни хуже, ни лучше, все та же страшная усталость.

– Расскажите-ка мне о вашей усталости. Какого она рода? Физическая? Моральная?

– И то и другое.

Почему он задавал ему все эти вопросы? Разве не достаточно было просто выслушивать пациента? Или его дружеские связи с Тесс давали ему возможность выдать ей профессиональную тайну, открыв молодой женщине, что на деле их любовные отношения с Матье страдали ущербностью и натянутостью?

– Послушайте, – сказал Матье, – не очень-то я верю, что все это способно мне помочь.

– Что «все это»?

– То, что я сижу у вас в кресле и рассказываю о своих душевных состояниях. Если я и согласился на прием, то только чтобы доставить удовольствие моим... близким.

– Семье?

– Главным образом дочери. Мать – в доме престарелых и потихоньку теряет связь с реальным миром. Есть, правда, еще три брата, но они далеко отсюда.

– В географическом смысле?

– Не слишком, однако, все же далеко. Я – последний сын, и...

Он снова осекся. Какого черта он заговорил о братьях! Они были не виноваты в его депрессии.

– Значит, «Большое братство»? – спросил Левек.

– Четыре парня и ни одной дочери, к огромному огорчению нашей матери.

– Рождение внучки должно было ее утешить.

Разумеется, нет. Ведь Анжелика воспитывалась вдали от бабушки.

– Не думаю, – признался Матье. – Все, что исходило от меня...

Снова прервав себя, он негромко рассмеялся.

– Вы, должно быть, сделаете далеко идущие выводы из моих последних слов!

– А должен? Похоже, вы не готовы говорить со мной на эту тему. Вы, кажется, не склонны довериться мне.

– Это не имеет никакого значения ни для меня, ни для кого бы то ни было.

– Тогда я не понимаю, зачем вы здесь? Только чтобы доставить удовольствие людям, которые вас окружают?

– Не только. Еще и потому, что хотел бы снова стать самим собой.

– Вы думаете, что я могу вам в этом помочь?

– Не знаю.

– Тем не менее вы собираетесь тратить деньги на наши сеансы.

– Да. И притом без гарантии конечного результата.

– Разговор всегда высвобождает ненужные эмоции.

Возможно, вам просто не с кем поговорить?

– Что я мог бы сказать? Что в одно прекрасное утро я очутился в шкуре незнакомого парня и хочу из нее выбраться? Кто сможет это переварить? Мы же не в романе Кафки.

– Намекаете на «Превращение»?

Бенуа демонстративно взглянул на часы и сообщил, что сеанс окончен. Сначала засомневавшись, Матье был вынужден убедиться, что проболтали они три четверти часа. А ведь ему казалось, что пришел он сюда десять минут назад.

– На какое число вам будет удобно назначить следующую встречу?

– Не важно. Я свободен, как ветер.

С непринужденной улыбкой Бенуа заметил, не боится ли Матье впасть в противоречие, утверждая, что он свободен, и в то же время желая найти освобождение.

Возвращаясь к машине, Матье не чувствовал себя ни лучше, ни хуже, чем прежде. Конечно, было слишком рано приходить к каким-либо выводам, поможет ли Бенуа Левек ему выйти из его состояния, но, по крайней мере, Тесс и Анжелика будут за него спокойны, так что имело смысл проявить некоторое усердие.

– Попробуем, – пробормотал он, выжимая сцепление.

При условии, что он будет преодолевать усталость и находить в себе мужество дважды в неделю спускаться из своего «орлиного гнезда». Час назад он старался объехать улицу Фоша, а сейчас и сам не заметил, как вдруг оказался перед собственным книжным магазином. Поток машин не позволял отъехать от него быстрее, и ему волей-неволей пришлось скосить взгляд к витрине. Да, она могла бы выглядеть и более привлекательной, что-то явно было не в порядке. Уж не Надя ли над ней поработала? Он безнадежно посмотрел на стоявшую перед ним машину, которая не трогалась с места, хотя уже горел нужный свет. Ему тут же захотелось выскочить наружу и попробовать самому устранить все неправильности в витрине, и он не на шутку испугался, что так и сделает. Какое тщеславие! Тем не менее ему показалось, что Надя все сделала кое-как, наспех, стремясь к одному – расположить на самом видном месте только бестселлеры. Ну и где они, книжные принадлежности, над расположением которых он столько работал, чтобы заинтересовать тех, кто не любит читать книги? Вдобавок освещение было слишком тусклым, ни одна из книг не была выделена должным образом, не привлекала внимания. Да к тому же и мойщики оставили неприятно заметное пятно на одной из частей витрины.

Матье решил припарковаться и почти включил поворотник, но тут же спохватился. Этот внезапный импульс, возникший в силу привычки, был, по меньшей мере, смешон. Переступи он сейчас порог магазина, он точно знал, что произойдет. На него ринется толпа сотрудников, счастливых, что он наконец-то избавит их от ответственности; Корантен погребет его под счетами, балансами, квитанциями, не давая отдышаться; Надя задурит ему голову обзорами последних недель. Но главное, при всем том придется улыбаться, подбадривать, принимать решения. Переделывать витрину, составлять годовой план, погружаться в ад налоговых деклараций, наворачивать упущенное, проглядывая все последние вышедшие книги, высказывать свое мнение, находить решение возникших за его отсутствие проблем и, уж разумеется, отыскивать способы и уловки, чтобы все больше *продавать, продавать, продавать...*

Услышав короткий гудок, он вздрогнул. Поток машин перед ним наконец тронулся с места, и он последовал за этим потоком. Нет, ни за что на свете он не переступит порог этого чертова книжного магазина! Матье хотелось только одного: навсегда забыть о нем, и даже больше – не видеть его до конца жизни.

* * *

Понукаемый братьями, убеждавшими, что Руан, где он живет, не так уж далеко от Гавра, Фабрис в итоге согласился поехать и встретиться с Матье. В конце концов, ведь он был старшим из братьев, кому, как не ему, и было урезонивать младшего братишку? Само собой, Фабрис мало что понимал в этой его «депрессии». Из весьма пессимистичных прогнозов Анжелики, выслушанных по телефону, он пришел к одному-единственному выводу, что Матье упивался собой в некоем экзистенциальном кризисе. «Кризис безделья!» – попробовал он пошутить, что привело племянницу в ярость. Да, в конце концов, она была права: уж если в чем и можно было упрекнуть Матье, то никак не в безделье. Ну, так вот: этот невероятно активный человек, все эти годы стремившийся к успеху, оказался в паре шагов от того, чтобы все послать к черту. Почему? Что с ним стряслось? Анжелика позвонила всем троем дядюшкам по очереди, но Жан не мог оторваться от своих хлопот с недвижимостью и прочно застрял в Лондоне, а Сильвен был не в состоянии уехать из Парижа, осаждаемый огромным количеством пациентов медицинского кабинета физиотерапии и лечебной физкультуры. Как только речь начинала заходить об их матери, они принимались извиняться и оправдываться. В том, что именно Матье нашел для нее дом престарелых и помогал ей туда переехать, они видели причину, почему обязанность по уходу за матерью возлагалась на него, тем более что находилось ее новое жилище неподалеку от Гавра. Фабрис прекрасно отдавал себе отчет в том, что он повел себя непочтительно по отношению к матери, но ведь у него было пятеро взрослых парней, которым еще предстояла долгая учеба, не говоря уже об их эмоциональном состоянии в годы взросления и первой любви. Так что душевное состояние Матье... вы уж простите!

Работая на крупную страховую компанию, Фабрис прекрасно знал ценность книжного магазина Матье, поскольку все его братья были его клиентами. Прекрасное коммерческое предприятие, и надо быть последним дураком, чтобы бросить его без присмотра. Только с наивностью двадцатилетней Анжелики можно было думать, что от ее ежедневного «хозяйского глаза» был какой-то толк. Это выражение племянницы привело его в восторг, он расхохотался и после этого решил обязательно приехать и поговорить с младшим братишкой. Между тем они вовсе не были так уж близки с Матье, ни когда были детьми, ни позже, в подростковом возрасте. Насколько Фабрис любил веселиться в компании Жана и Сильвена, настолько же неинтересен ему был этот мальчишка, вечно уткнувшийся носом в книжку. Благодаря непрерывным насмешкам братьев Матье проявил упорство и записался на курсы дзюдо, где, кстати, добился значительных успехов. К восьми годам у него уже был желтый пояс, а потом он последовательно заполучил и остальные: зеленый, синий, коричневый, а в пятнадцать лет – черный, возраст редкий для такой квалификации. На этом он решил остановиться. Братья к тому времени уже разъехались. Потом и он тоже уехал, когда пришло его время, перебрался в Париж, окончив трехгодичный лицей по специальности «Издательство, библиотечное дело и маркетинг». Лично он, Фабрис, предупреждал, что все это пустое дело, у которого нет будущего, мать помогать им не могла, но он как-то выпутался. Затем он устроился работать продавцом в огромный книжный магазин в Латинском квартале. К этому моменту сам Фабрис был уже женат и принялся строгать детей, пока еще не предполагая, что его жена собирается дойти до пяти. Пять, подумать только! Со всей этой их учебой, спортом, одеждой, каникулами, «поездками по обмену» и карманными деньгами. К счастью, тогда Фабрис уже неплохо зарабатывал, но, имея такую финансовую нагрузку, с золотых тарелок они не питались, само собой.

Побродив по крутым улочкам Сент-Адресса, в конце концов он нашел дом, который походя приобрел Матье и где теперь нашел себе место для уединения. Ну и удача, да он просто везунчик, надо же, всего через год бывший владелец дома коньки отбросил! Матье гово-

рил, что он был очень огорчен смертью лучшего друга, однако Фабрис предполагал, что брат, наоборот, потирал руки от счастья.

Выйдя из машины, он постоял немного, разглядывая виллу. Две островерхие башенки, огромное окно на манер эркера, каменные колонны, обступавшие террасу, во всем этом было что-то необычное, особенное, однако в целом от ансамбля за версту несло ветхостью, почти «мерзостью запустения», особенно от заброшенного сада и поросших мхом крыш. Не обнаружив звонка, Фабрис толкнул проржавевшую калитку. В соответствии с рекомендациями Анжелики он не стал предупреждать брата о визите. «Ты найдешь его там, он почти никогда не выходит», – уверяла его племянница. Неужели Матье стал отшельником? Впрочем, здесь не было ничего удивительного, ведь и в детстве он предпочитал одиночество, и брак его, пожалуй, так быстро распался, потому что он просто не перенес жизни вдвоем.

– Ку-ку! – воскликнул Фабрис, входя в прихожую. – Сюрприз!

Только теперь он осознал, что не догадался что-нибудь с собой принести, хотя бы бутылку хорошего вина.

– Фабрис? Как ты здесь оказался?

Оцепенение Матье не скрасила даже улыбка.

– Я уполномочен нашим семейством навестить и немного встряхнуть тебя, – объявил Фабрис.

– Надеюсь, ты шутишь? Потому что если ты лжешь, то можешь немедленно убираться вон.

– Что-то не так, братишка? Мне говорили, что ты в депрессии, но я не ожидал от тебя такой слабости, ты стал таким сварливым.

– Кто это тебе «говорил»? Чтобы выйти из депрессии, я даже встречаюсь с психиатром и считаю, что этого достаточно, чтобы всех успокоить. Если честно, Фабрис, ты мне здесь совсем ни к чему.

– Ты действительно вообразил, что тебе никто не нужен и что ты выберешься из этого самостоятельно?

– Почему бы и нет?

– Как бы не так! Твоя дочь вне себя от беспокойства.

– Знаю.

– Итак, по праву старшего брата я обязан...

– Только не заводи эту песенку, пожалуйста: старший брат, глава клана, ответственный... Расскажи все это кому-нибудь другому, только не мне. С каких это пор ты интересуешься моими проблемами? И что дает тебе право думать, будто ты способен мне чем-то помочь? Это будет великая премьера! Ведь ты ничем подобным никогда не занимался. Слушай, если ты проездом в Гавре по делам страхования, я охотно выпью с тобой стаканчик. Но если ты собрался поучать меня с вершин своего старшинства, как мне жить дальше, – немедленно убирайся!

Фабрис счел за благоразумие промолчать. Брат казался настолько напряженным, что, вероятно, лучше было не подталкивать его к решительным действиям. Внимательнее оглядев Матье, Фабрис только что заметил, как сильно его брат исхудал: черты его лица заострились, глаза ввалились, лицо было очень бледным.

– Ты плохо выглядишь, – как можно мягче постарался сказать Фабрис. – А не выпить ли нам как следует, что скажешь? Я приглашаю!

– Последнее, чего я сейчас хочу, – это выпить. Вместо этого я могу предложить тебе кофе.

– Я бы предпочел что-нибудь позабористее. Ты что, больше ничего не пьешь, кроме воды?

– Почему? Я по-прежнему ценю хорошие вина, однако стараюсь не перебарщивать, поскольку вином ничего не решишь.

Матье направился в кухню, сделав брату знак следовать за ним. Достав из холодильника бутылку шабли, он открыл ее и взял два бокала.

– Ты поклонник минимализма в мебелировке, – сыронизировал Фабрис, указывая на пустой стол и пару скамеек из светлого дерева. – Здесь хватит места, чтобы устроить целый рок-концерт. Ты решил не обставлять этот дом?

– Да я впервые живу здесь так долго, раньше лишь изредка приезжал.

– У этой виллы огромный потенциал. Видел бы ее Жан, он сразу подкинул бы тебе кучу идей.

Упоминание о Жане, который работал в Лондоне в области недвижимости, не вызвало оживления на лице Матье.

– Жан не в состоянии пересечь Ла-Манш, можно подумать, у него морская болезнь.

Фабрису вдруг надоело играть в хорошего парня, и он раздраженно буркнул:

– По-моему, ты не любишь Жана, как, впрочем, и никого из нас троих. Ты всегда старался держаться особняком.

Матье невесело рассмеялся, пожал плечами.

– Ты говоришь бог знает что, Фабрис, и прекрасно это знаешь. Это как раз вы всегда держались в стороне, потому что я казался вам слишком маленьким да к тому же не бегал за вами, как преданная собачонка за хозяевами. И не старался заслужить капельку внимания вашей неразлучной троицы! Но верхом моего несчастья, пожалуй, было то, что я не родился девчонкой, ибо мама уже озверела от мальчишек и не любила меня даже больше, чем остальных. Итак, прежде чем обвинять меня в том, что я держался особняком, тебе не помешало бы освежить память, она у тебя оказалась слишком короткой.

Слегка смущенный от нахлынувших воспоминаний, Фабрис некоторое время молчал.

– Но ведь все это было так давно! Мне очень жаль, что твое детство выдалось таким несчастным. И все же попробуем подойти ко всему взвешенно, более спокойно. Мне ведь и правда очень хотелось помочь тебе выйти из тво... твоей неприятности. Теперь, кажется, я понимаю, что у тебя возникли серьезные проблемы. Денежные? Или сердечного плана?

– Все, с меня довольно! – выпалил Матье, которого этот разговор окончательно вымотал.

Для него было верхом унижения показаться в глазах брата таким бессильным, но ведь он и был таким. Как бы ему хотелось сейчас заверить его, что все это полная ерунда и он готов взять в руки и свою жизнь, и свои дела, но у него абсолютно не было на это энергии, как бы он того ни хотел. А поскольку признаваться в собственной слабости было для него абсолютно невозможно, он удовольствовался тем, что прошептал:

– Фабрис, прости, мне нужно побыть одному.

– Чтобы и дальше заниматься пустыми размышлениями? Тебе это ничего не даст. Ну же, братишка, не напрасно же я приехал к тебе, давай присядем и поговорим обо всем хорошенько.

– Да пошел ты ко всем чертям! – взорвался Матье. – Он, видите ли, «приехал»! Просто подвиг совершил! Да от Руана отсюда нет и ста километров! И потом, я просто не желаю разговаривать с тобой ни о чем, не хватало только, чтобы ты, выйдя из моего дома, хвастался направо и налево в своей любимой манере страхового агента, как ты отлично все уладил. А уж если ты снова ощутишь жажду к долгим путешествиям, навести лучше маму, которая месяцами ждет не дождется, когда ты к ней приедешь.

– Не руби сплеча. Ты и понятия не имеешь, что такое моя жизнь. У меня пятеро сыновей, если ты, конечно, помнишь.

– Они уже взрослые.

– Большие детки, большие бедки. И каждому из них всегда чего-нибудь да нужно. Короче, я пашу как проклятый.

– Будь с этим осторожней, – усмехнулся Матье.

– Чтобы не кончить «выгоранием»?

– Ненавижу это модное словцо. И особенно... особенно, Фабрис, я не хочу, чтобы меня принимали за больного.

– Ну и за лодыря, конечно, тоже?

– У тебя редкий дар неправильно подбирать слова. Будь я настоящим лодырем, у меня было бы вышестоящее начальство, пособие по безработице или же справка, дающая освобождение от работы. В данный же момент я просто-напросто уничтожаю свой собственный книжный магазин и, как следствие, свои деньги. И главное, что мое полное осознание того, что это происходит, ничего не меняет. Мотор заглох, и я не только не знаю, как его починить, но даже не уверен, что хочу этого. Понимаешь?

– Не совсем, – признался Фабрис, покачав головой.

Он чувствовал себя подавленным, потому что перед ним был Матье, которого он не узнавал. Где был тот разъяренный борец, любыми путями стремившийся доказать во всем свою правоту? Где он, тот мальчишка, которого они в десять лет дразнили «телком», но который в двадцать превратился в несокрушимую скалу? Он испарился. Теперь перед ним находился раздавленный жизнью человек, безвольный, ни на что не способный. Интересно, читал ли он сейчас что-то вообще или же вместе с остальным утратил и страсть к книгам? Приехав сюда, Фабрис был уверен, что стоило ему затронуть гордость Матье или урезонить его, и тот немедленно отреагирует. Однако все оказалось совсем не так.

– Ладно, пожалуй, я действительно пойду, вижу, что толку от меня никакого...

Откровенное облегчение, отразившееся на лице брата, было лучшим доказательством того, что он собирался поступить правильно.

– По крайней мере, я хоть попытался что-то сделать! – бросил он, скорее чтобы подбодрить самого себя.

Матье смотрел, как он уходил, не двигаясь с места, потом пошел и закрыл дверь на ключ. Обернувшись, он окинул взглядом кухню, где стол и скамейки из светлого дерева, единственная мебель, тоже, казалось, имели потерянный вид.

– Как и я... – проговорил он сквозь зубы.

Фабрису удалось его разозлить, но этого было недостаточно, чтобы разорвать адский круг, словно влекущий его к полному отречению от всего мира.

– Сезар, если ты слышишь меня оттуда, где ты есть, помоги мне...

Вероятно, это был не лучший способ призвать кого-нибудь на помощь, но ведь именно Сезар, проживший далеко не легкую жизнь, никогда не терял чувство юмора и не казался сломленным. С Матье их связывала настоящая дружба, нечто вроде неразрывной связи, наполненной теплотой и благожелательностью, чего ему не смогли дать братья.

– Так вот в чем суть проблемы: я больше ничего не могу ни с кем разделить! Ни с Тесс, которая намного моложе меня и хотела бы иметь детей, чего я никогда ей не дам, ни с Анж, видящей во мне героя, которым я больше не могу быть.

Он загубил свой брак с матерью Анжелики... Со своей матерью он в те времена встречался только из чувства долга и безо всякой любви, потому что она так и не смогла принять его жену. И вот, в сорок шесть лет, ему вдруг захотелось пойти на берег, спуститься по галечной кромке и броситься в море, чтобы найти в нем покой, как он и признался тогда психиатру. Боже! Как он мог до такого дойти? Неужели он действительно должен найти ответ на этот вопрос в глубинах своего «бессознательного»? Тогда разве не следует ему продолжить сеансы с Бенуа Левеком, до тех пор пока он не поймёт причины несчастья, которое создал для себя сам?

Ощущая тошноту, он вылил содержимое бокала в раковину, надел куртку и снова вышел на террасу. Там, по крайней мере когда он наблюдал за движением судов и контейнеровозов, ему удавалось ни о чем не думать.

* * *

Тесс была поглощена созерцанием «Вулкана», довольно странного гигантского монумента из белого бетона – создания Оскара Нимейера⁴, включавшего часть пространства культурного центра, который жители Гавра фамильярно называли «перевернутой баночкой из-под йогурта». Тесс, которая приехала сюда почти случайно, глубокая привязанность гаврцев к своему городу сначала показалась труднообъяснимой. Но постепенно она тоже полюбила его архитектуру, ее современные формы и прямые линии, образующие своеобразное и вместе с тем органичное целое. Здесь, на обломках центра города, почти целиком опустошенного за годы войны, сотня архитекторов во главе со знаменитым Огюстом Перре многие годы работала над тем, чтобы Гавр вновь обрел воздух, солнце и простор. Большая редкость для современных городов, благодаря чему в довершение всей этой работы он вошел в список объектов Всемирного наследия.

Встретив Матье, Тесс нашла в нем идеального гида, благодаря которому смогла лучше узнать и оценить сокровища города, который он обожал, знал каждый его закоулок. Чтобы полюбоваться видом на морской простор, она вместе с ним облазила все высоченные лестницы, вплоть до улицы Фора и «Висячих садов»⁵. Они пили с ним вино в открытом всем ветрам пляжном баре «На краю света», наблюдая, как океанские лайнеры покидают порт. Матье объяснил ей значение странного красного почтового ящика – свидетельства того, что именно в Сент-Адрессе находилось бельгийское правительство в изгнании во время войны. На примере собора Сен-Жозеф, настолько непохожего на остальные, с его креслами, больше подходящими для кинотеатра, она увидела, каким образом Огюст Перре, этот гениальный зодчий, опередивший свое время, сумел сделать железобетон архитектурным материалом, чтобы потом подарить гаврцам современные, солнечные квартиры в прекрасных домах из этого некогда презренного материала.

Намеренно выбрав для встречи с Бенуа столик возле самой длинной витрины Арт-салон-отеля, Тесс умирала от нетерпения. Зная, что он ничего не расскажет ей о содержании их встречи с Матье, она все же попросила его о свидании, надеясь получить обнадеживающее мнение на этот счет.

– Только не говори, что я опоздал, еще без пяти! – объявил Бенуа, неожиданно возникший у нее за спиной.

– Я тебя подстерегала, однако ты сумел меня удивить...

– Ничего подобного, ты предавалась мечтаниям, не сводя глаз с «перевернутой баночки из-под йогурта», я тоже за тобой наблюдал.

Она поцеловала его, прежде чем внимательно рассмотреть с ног до головы, потом улыбнулась, счастливая от того, что он несколько не переменился.

– Ты отлично выглядишь, и это меня радует.

– Мне удалось прийти в себя после нашего разрыва, и я очень горжусь собой!

– Бенуа, не поверю, что после ничтожной интрижки ты мог настолько серьезно страдать.

– Ты в этом уверена?

– Вот только не надо пытаться меня серией своих вопросов спеца по психологии, как это уже было со мной! – усмехнулась она.

– Профессиональная деформация. Чтобы расшевелить пациента, всегда следует заканчивать вопросительным знаком! Но могу я хотя бы спросить, что ты будешь пить?

---

⁴ Оскар Нимейер (1907–2012) – бразильский архитектор.

⁵ «Висячие сады» – название ботанического сада Гавра, расположенного на холмах в верхней части города.

– Спритц⁶.

– Ты – жертва моды. Во времена нашей «ничтожной интрижки» ты потягивала мохито.

– А ты стаканами глотал белое вино.

– Я остался верен этому... как и многим другим вещам.

Он кивнул официанту, сделал заказ и снова переключил внимание на Тесс.

– Волосы у тебя все так же хороши, – вздохнул он, не скрывая восхищения. – Ну просто Златовласка из детской сказки.

– Жаль только, что я не хожу к Медведям, чтобы похлебать из их мисок и поспать на их кроватях.

– Досадно, я сразу нарядился бы в гризли... Ладно, хватит об этом. Ведь ты встретила со мной, чтобы поговорить о своем друге Матье, верно?

– Да. Я знаю, что ты ни за что не раскроешь профессиональной тайны, но я не могу перестать за него беспокоиться. Он стал неузнаваем.

– Думаю, он и сам себя не узнает.

– Он справится с этим? Станет таким, как раньше?

– Сначала нужно, чтобы он этого захотел. Может, он больше всего на свете и не хочет стать «таким, как раньше»?

– Так ведь его проблема в том, что он слишком перенапрягся в работе!

– Не своди проблему к очевидности. Когда так внезапно отключаются, речь может идти о куда более скрытых и глубинных причинах.

– Но ведь до сих пор он казался вполне счастливым...

– А ты можешь с уверенностью сказать, в чем заключалась его концепция счастья?

– Ну да, ты прав, не могу.

Разочарованная, Тесс поняла, что, как она и думала, почти ничего не сможет вытянуть из психиатра. Глядя на волны, она допила коктейль. Сколько еще времени продлится эта жуткая неопределенность? Любить человека, который, казалось, совершенно утратил вкус к жизни, представлялось ей невозможным.

– Ты до такой степени к нему привязана? – внезапно спросил Бенуа ласковым тоном.

– В нормальном состоянии, такой, каким он был, когда мы с ним встретились, Матье был самым замечательным человеком на свете.

– Чем именно «замечательным»?

– Он обладает безумным обаянием, даже не отдавая себе в этом отчета, что делает его еще привлекательнее. Он скромн, умеет слушать другого, и при этом его переполняет энергия. И с женщинами он ведет себя особенно: очень деликатен и в то же время настоящий рыцарь. Это честный, прямой человек, полный альтруизма. Ценит свободу других и при этом готов выложиться до конца, чтобы сделать приятное близким. Он обожает литературу, прекрасно говорит, готов поделиться всем, что у него на сердце. И никогда не ведет себя высокомерно. Все сотрудники магазина его боготворят. Он стремится преуспеть, но деньги на самом деле для него не имеют решающего значения.

– Каков портрет! Так это само совершенство, а не человек, – с иронией произнес Бенуа.

– Так и было. А сейчас он отказался от всего на свете, в том числе и от меня. А между тем я была уверена, что мы любим друг друга и нам удастся с ним что-то построить...

Она подняла голову, посмотрела на Бенуа, который на этот раз промолчал, словно забыв поддержать диалог очередью заученных вопросов.

– Прости, пожалуйста, – сказала она. – Тебе наверняка неприятно это слушать.

– Да нет, что ты. Какая разница! Ты имеешь полное право любить кого хочешь.

– Наверное, ты считаешь меня глупой, раз я вот так его жду и все еще надеюсь?

---

⁶ Слабоалкогольный коктейль.

– Любовь не глупа и не умна. Позволь только напомнить, что тебе уже тридцать семь, Тесс. На любое созидание требуется время, и тебе лучше знать, есть ли оно у тебя.

– Надеюсь, что ты мне об этом скажешь.

– Я не прорицатель. И потом, я еще продолжаю себя считать слишком причастным, если так можно выразиться, чтобы демонстрировать полную беспристрастность. Что касается меня, то во времена нашей «ничтожной интрижки» я мечтал построить это «что-то» с тобой... хотя и не считал тебя идеальной женщиной!

Тесс почувствовала себя неловко. Пригласить на свидание Бенуа, чтобы разузнать у него о Матье, было далеко не лучшей затеей. И не только потому, что он не мог ей ничего сказать с этической точки зрения, а прежде всего потому, что он продолжал считать его своим соперником. Она знала, что Бенуа тяжело переживал их разрыв, случившийся три года назад, но вот уж чего она не могла ожидать, так это того, что он еще сохранил надежду на возобновление их отношений, ибо он выдал себя своими сентенциями.

– Матье тебе не слишком симпатичен, – заметила она, – не правда ли? Я очень жалею, что направила его к тебе, и прошу за это прощения. Может быть, ему лучше проконсультироваться у какого-нибудь другого психиатра?

Бенуа покачал головой.

– Не волнуйся, я справлюсь. И я не настолько ограничен, чтобы его винить. Так же, как и тебя, разумеется. У меня есть личная жизнь, которая меня вполне устраивает, и я не привык заикливаться на сожалениях, которые давным-давно утихли. Если я смогу, помогая Матье, преодолеть его нынешние трудности, сделать тебя счастливой, я буду только рад.

Его обезоруживающая искренность до того растрогала Тесс, что она почувствовала ком в горле. Заметив ее смущение, он пошутил:

– Так что знай, что твой парень – не единственный альтруист на свете! И я даже не требую с тебя ужина в благодарность за мое бескорыстие, потому что у меня назначена встреча на вечер. Но зато я позволю тебе заплатить за вино...

Сдержав готовые пролиться слезы, Тесс улыбнулась ему доброй, лучистой улыбкой.

* * *

Анжелика с ужасом смотрела на листок, которым Корантен помахал у нее перед носом.

– Докатались! – пробурчал он. – Взгляните на цифры, это было предсказуемо. Мы тут стараемся, как можем, из сил выбиваемся, но никто нам не заменит Матье. Магазин лишился души.

– Вы преувеличиваете. Прежде всего, сейчас кризис, и везде продажи книг заметно упали.

– Кризис, кризис, все на него можно свалить! Матье всегда плевал на кризисы. Он говорил, что, пока у тебя есть новые идеи и желание их осуществить...

– Вы говорите о нем в прошедшем времени, будто он умер! – яростно запротестовала девушка.

– Простите. Но хотелось бы знать дату, когда он собирается возвращаться, он сейчас здесь очень нужен. Никто не понимает, в чем дело, и сотрудники задают все больше вопросов.

– Отвечайте, что вы ничего не знаете.

Стараясь сохранять хладнокровие, Анжелика держалась с достоинством, хотя чувствовала себя испуганной и беспомощной.

– При таких темпах у нас есть всего лишь два месяца на выживание, – настаивал Корантен. – А потом я не представляю, как мне удастся уладить дело с зарплатами.

Он взял листок и бросил его на стол. Подняв глаза, Корантен какое-то время молча смотрел на Анжелику, прежде чем выражение его лица изменилось.

– Я не должен был на вас набрасываться, вы-то здесь при чем? Но все это произошло так... неожиданно. Да я бы поставил последнюю рубашку на таланты Матье! Его работоспособность меня всегда поражала. До него мне не приходилось встречать человека, настолько увлеченного своим делом. За все эти годы, что я проработал бухгалтером в малом бизнесе, могу сказать, что никогда не имел дела с таким образцовым предприятием, до этой чертовой депрессии Матье, у которой нет ни объяснения, ни предела!

– Да, отцу неприятно было бы вас сейчас слышать.

– А мне неприятно знаете что? То, что он болен и никто не знает, чем именно! Будь он на больничной койке, я охотно приносил бы ему шоколадки и таблетки по предписанию врача. А здесь – какая-то мусть, и это приводит меня в бешенство.

Анжелика бросила взгляд в окно – штору она отодвинула сразу, как только вошла в кабинет. На этот раз магазин показался ей уже куда менее оживленным, чем обычно, но не было ли это ложное впечатление, вызванное пессимизмом Корантена? Возможно, ситуация вовсе не была настолько катастрофичной, ведь отца не было в магазине всего несколько недель.

– Ровно два месяца Матье не ступал сюда ногой, – отозвался Корантен, словно точно знал, о чем она думала в этот момент. – Пока еще наше положение только шатко, но мы в двух шагах от настоящих сложностей.

– Почему, вместо того чтобы предаваться скорби, вы не попытались стать ему эффективной заменой? Надя знает процесс работы до мелочей, как, кстати, и вы!

– Ну как вы не понимаете, Анжелика, – вздохнул Корантен, сбавив тон. – Ваш отец никого из нас не подпускал и близко к руководству процессом. Мы не просто *не привыкли* его подменять, но буквально *не имели права* это делать. Знаете ли вы, сколько разных представителей издательств каждый месяц приходили сюда со своими новинками? До пятидесяти человек в месяц. И Матье их всех знал поименно, все обсуждал с ними, спорил, отбирал нужное. В данный момент эту функцию взял на себя один из продавцов, однако у него нет ни опыта, ни взвешенности суждений Матье. Никто из наших не рискнет взять на себя инициативу без совета с ним. Не поставит подписи, не организует авторской конференции или тематического вечера, не придумает ничего оригинального, что могло бы вытащить нас из рутины обыденности. А если цифры продаж снижаются, доходы наши тоже падают, и это неизбежно, потому что они все время пересматриваются. Двумя процентами больше или меньше – на деле это выливается в огромные суммы! Клянусь вам, тут есть о чем серьезно беспокоиться.

– Да, я вижу, что вы боитесь всего на свете!

Он выпрямился, вонзив в нее полный упрека взгляд.

– Вы заходите слишком далеко. Я очень привязан к этому магазину, но если в итоге он закроется, я легко найду работу в другом месте. Я просто хочу вас об этом предупредить, поскольку отношусь к вам с большой симпатией и считаю себя другом Матье. Не сваливайте на меня ответственность за управление магазином, у меня здесь другие функции.

Огорченная тем, что она так расстроила Корантена, Анжелика хотела его удержать, положив руку ему на плечо, но он оттолкнул ее резким движением.

– Бухгалтерия требует обновления, – сказал он, захлопывая свой ноутбук.

– Корантен! Неужели вы меня подведете? События, которые сейчас происходят, выше моего понимания, и предполагаю, что это каждому ясно. Сначала я думала, что речь идет о нескольких днях, что я стану лишь папиным связным в этой ситуации. И поскольку у меня не было ни претензий, ни намерений его заменить, я во всем положила на вас, опытных сотрудников; я думала, что вам удастся выйти из кризиса без его помощи, не подозревая, что это настолько затянется; да еще и вы с Надей бросаете меня на произвол судьбы...

Не закончив фразы, она закусила губу. Демонстрировать слабость и беспомощность перед Корантеном был не лучший способ его воодушевить, это уж точно. Но разве не он только что заявил ей, что легко найдет себе работу в другом месте? Правда ли, что он так уж радел

за будущее магазина? И что скажет отец, если она станет виновной в уходе Корантена, его бесценного главного бухгалтера?

– Обо мне можете не беспокоиться, Анжелика. Я останусь. Во всяком случае, до возвращения Матье, если он соизволит однажды вернуться!

Он едва заметно кивнул, покидая кабинет и оставив Анжелику совершенно обескураженной. Да черт побери, она окончательно забросила все: учебу, друзей, у нее была куча дел, а она попусту тратила здесь время! И, несмотря на все ее желание помочь отцу, она ничего так и не смогла сделать.

Анжелика вновь окинула взглядом зал магазина. Возле двери стоял Корантен и с озабоченным лицом о чем-то говорил с Надей. Передавал ли он ей слова, которые Анжелика недавно ему бросила, что, дескать, он всего боится? Не стоило этого говорить, какой бездумный поступок! И почему это у нее в голове сформировался образ вечно испуганного и невзрачного бухгалтера? Корантен таким не был, он довольно мужественно выглядел и был хорош собой. Интересно, сколько ему лет? Больше тридцати? Она невольно проводила его глазами, пока тот выходил из магазина, но скоро ее внимание переключил на себя телефонный звонок.

– Привет, это Фабрис. Как ты там, моя прекрасная племянница?

– Спасибо, все отлично. Итак, ты встретился с папой?

– Без особого успеха, должен признаться. Ему весьма комфортно в его депрессии, и он буквально выставил меня за дверь. Мне жаль, но я возвращаюсь домой.

Очень огорченная, Анжелика обменялась с дядюшкой еще несколькими ничего не значащими фразами, но тем не менее поблагодарила его за то, что он приехал из Руана.

– Да, ведь это совсем недалеко, как заметил твой папаша, – ответил он не без ехидства. – Я воспользуюсь случаем, чтобы встретиться с моим школьным приятелем, иначе я обязательно пригласил бы тебя поужинать. Послушай, не знаю даже, что тебе сказать по поводу Матье... Можно ли здесь вообще что-либо сделать? Не поможет ли твоя мать? Ведь они до сих пор сохранили хорошие отношения, или я не прав?

– Мама живет в Париже, и потом, напоминая, что в ее жизни есть другой мужчина.

– И что из того? У Матье тоже есть любовница. Кстати, почему она не с ним?

– Потому что он не хочет никого видеть. Зато она добилась того, что он встретился с психиатром.

– Ясно. Не очень-то у психиатра получилось!

Веселый смешок дядюшки настолько ее покорило, что, пожелав ему хорошего вечера, она поспешила повесить трубку. Она и на него-то не возлагала особых надежд, а его предложение привлечь к этому мать показалось ей абсурдным. Да, ее родителям удалось сохранить мирные и даже дружелюбные отношения, но они их сохраняли, находясь вдали друг от друга, без малейшего желания сблизиться. На миг она вспомнила о бабушке, и это вызвало у нее горькую улыбку, так как Мишлин уже вряд ли была способна кому-нибудь помочь, тем более Матье. Нет, она оставалась единственной, кто еще мог попытаться что-то предпринять, вот только что? И сколько она ни думала на эту тему, ничего стоящего в голову не приходило. А ведь она отдала бы сейчас все на свете, только бы помочь отцу выбраться из черной дыры, в которую он угодил. Он всегда для нее оставался близким человеком, был так внимателен к ней как в детстве, так и в подростковом возрасте. Несмотря на развод родителей и разделявшее их расстояние, он всегда повторял, что любит ее и что она всегда может на него рассчитывать. Она поймала его на слове, приехав учиться в Гавр, и не была разочарована. Теперь, в свою очередь, она хотела доказать ему, что стала взрослой и сильной, что на нее он всегда сможет опереться, пока не почувствует себя лучше. Если, конечно, ему когда-нибудь станет лучше...

Она села во главе стола, на то место, где прежде обычно сидел отец, а в последнее время Корантен или Надя. Неужели действительно существует опасность, что через несколько месяцев магазин будет закрыт? Его попросту продадут, открыв на его месте бутик или ресторан?

Внезапно дверь открылась, и в кабинет вошла разгневанная Надя.

– Вам обязательно надо было ссориться с Корантенем? Будто и без этого сейчас нет других забот? Вы же унизили его, дав ему понять, что он ни с чем не справляется! Зачем вы сказали, что он всего боится? Уже несколько дней он вынужден принимать решения, не связанные с его должностными обязанностями.

Ее тон был настолько резок, что Анжелика почувствовала в нем скрытую неприязнь к себе.

– Вот уж много шума из ничего! – ответила она. – Я и не знала, что Корантен настолько обидчив!

– Он не ожидал услышать такое от вас.

– То, что говорю я, не имеет большого значения ни для кого.

– Для него имеет. Вы что, ничего не видите?

Красная от гнева, она стремительно вышла, оставив дверь открытой. Да что с ними всеми сегодня? Неужели они ополчились на нее только потому, что считают ее некомпетентной?! И наверняка она их раздражает своими бесконечными визитами, от которых толку – как от козла молока, не говоря уже о том, что она не приносит даже новостей о Матье.

– Ох, папа, папа, – простонала Анжелика.

Она положила локти на стол, уткнулась подбородком в ладони. Ей было не по себе в этом кресле. Первым делом, решила она, надо прекратить постоянно сюда таскаться, появляться лишь по необходимости, в строго определенные сроки. Учеба в инженерной школе проводилась на очень высоком уровне и требовала большой сосредоточенности. И если у Анжелики будет диплом инженера – если еще ей удастся его получить, – она мечтала посвятить себя международной логистике, тому, что позволило бы ей много путешествовать по разным странам. Принимая это во внимание, ей стоило бы еще подтянуть английский, и она планировала следующее лето провести у дяди Жана. Согласится ли он принять ее у себя или на крайний случай подыскать ей маленькую квартиру в Лондоне? В обычное время отец бы все это устроил, но с учетом его нынешнего состояния...

Обескураженная Анжелика вышла из кабинета, машинально захватив листок, которым Корантен недавно махал у нее перед носом. Кто знает, вдруг отец, увидев его, как-нибудь отреагирует? Она спустилась на нижний этаж, пересекла зал и вышла, ни на кого не глядя.

* * *

Когда постучали в окно, Матье был до крайности возмущен. Он намеренно не стал чинить звонок, чтобы продолжать жить в покое, поскольку терпеть не мог неожиданных визитов, как он только что объяснял своему брату Фабрису. Сквозь стекло он разглядел незнакомую пару, и это сразу показалось ему тревожным и дурным знаком. Тем не менее он открыл им, ощущая смутное беспокойство.

– Вы будете Матье Каррер? – спросил мужчина с улыбкой, которую трудно было назвать любезной. – Разрешите представиться: меня зовут Альбер Дельво, а это моя сестра Люси. Мы двоюродные брат и сестра Сезара.

– Те самые, что из Йоханнесбурга? – удивился Матье.

– Именно. Но, как видите, теперь мы во Франции.

Повисло недолгое молчание, достаточное, чтобы Матье успел пригласить их войти, однако он этого не сделал.

– Чем могу быть полезен? – ограничился он вопросом.

– Мы хотели бы поговорить с вами об этом доме...

Люси выглядела смущенной, она стояла, опустив глаза, в то время как вид у Альбера был вызывающий.

– А в чем дело? – выпалил Матье, которому не терпелось, чтобы они поскорее исчезли.

Испытывая явную неловкость от того, что вынужден стоять на пороге, Альбер сделал красноречивый жест рукой в сторону фасада.

– Вы приобрели этот дом на сомнительных условиях. По словам нотариуса, с которым мы связались, речь шла всего лишь о пожизненной ренте и продаже дома в рассрочку, которая заключалась в весьма условных суммах. К тому же произведено было всего девять ежемесячных выплат, так как Сезар умер в том же году.

– Что крайне меня огорчило, поскольку Сезар был моим близким другом.

– Правда? Вы признаёте, что, с нашей точки зрения, эта сделка выглядит довольно подозрительно?

– Подозрительно? – не веря своим ушам, повторил Матье.

– Да вы просто заплатили ему за кусок хлеба, вот что! К тому же мы вправе предположить, что вы знали кое-что о состоянии его здоровья. Например, что он уже был очень плох в момент заключения договора купли-продажи. Вы только что сказали, что были его другом, а между тем...

– Не заходите слишком далеко, – предупредил Матье, – вы рискуете впасть в заблуждение. Дом был приобретен мной в присутствии нотариуса, самым наизаконнейшим образом на свете. Ну а рента придавала Сезару уверенность в том, что его дальнейшая жизнь будет обеспечена.

– Так он не получил ни ренты, ни будущего! Да, приобретение является *законным*, так нас и заверили, но вместе с тем оно до крайности безнравственно, признайтесь хотя бы в этом! Вы уже выкупили однажды его бизнес, и мы понятия не имеем, не по той же ли *дружеской* стоимости, так что вы должны понимать наши сомнения.

– Сомнения? Что ж, давайте и остановимся на уровне сомнений, господин Дельво.

Матье повернулся к нему спиной, однако Альбер удержал его за рукав.

– Послушайте! Если вы уклоняетесь от обсуждения, не означает ли это, что вам не очень-то по себе, не так ли?

Матье овладела вспышка ярости, и он бесцеремонно оттолкнул Альбера.

– Оставьте меня в покое, и я советую вам держаться отсюда подальше.

– Уж простите, но вы даже не пригласили меня в дом, а разговаривать на пороге не слишком приятно!

– Мне нечего с вами обсуждать. Вы стучитесь ко мне, намекаете, что я вор, и еще ждете приветствий? Да на что вы рассчитывали?

– Не стоит так сердиться, – пробормотала Люси, по-прежнему стоя с опущенными глазами.

Матье показалось, что она похожа на маленькую испуганную мышь. Разумеется, она слепо поддерживала брата, но не была уверена в безупречности его доводов. Игнорируя ее, он продолжал обращаться к Альберу.

– Ради бога, открывайте судебное дело, если хотите. Но прежде наведите справки, чтобы зря не потерять деньги. По французским законам, даже если получатель пожизненной ренты и умрет спустя несколько дней после продажи недвижимости, это нисколько не повлияет на законность уже совершенной сделки.

– Мы такие же французы, как и вы, и знаем законы! – возмутился Альбер. – Законный срок – двадцать суток, что, на наш взгляд, абсурдно. Сезар был пьянчужкой и не мог нести ответственность за такую сделку.

– Да, нельзя сказать, что вы относились к нему с большим уважением.

– Вы просто рассчитывали на его скорую смерть, учитывая его состояние, – упрямо повторил Альбер. – Итак, само ваше соглашение изначально выглядело нелепым, ведь не соби-

рались же вы выплачивать ему ренту в течение тридцати лет! По мне, так вы просто позорно воспользовались вашей так называемой дружбой.

Матье шагнул вперед, заставив Альбера отступить.

– Убирайся, – произнес он глухим голосом.

– Я еще не закончил! Что произошло с мебелью, которая находилась в доме?

– Вы получили все, что сохранилось, этим занимался мой нотариус.

– А инвентарный список имеется? Или вы успели вовремя спустить все, что там оставалось?

Охваченный гневом, Матье поскорее убрал руки в карманы, чтобы у него не возник соблазн схватить Альбера за шкуру. Он не дрался уже много лет, но на этот раз его нестерпимо тянуло пустить в ход кулаки.

– Господин Дельво, вы ведете себя недопустимо, и мне приходится сдерживаться из уважения к вашей сестре, чтобы не двинуть вам кулаком по физиономии. Теперь я пойду к себе, а вы отправляйтесь восвояси и больше никогда сюда не являйтесь, нам нечего с вами обсуждать.

– Да как вы не понимаете! – воскликнул Альбер. – Сезар – член моей семьи, и, хотя мои родители считали его безнадежно испорченным субъектом, они постоянно его здесь навещали. В этом саду я играл в детстве, на этой кухне завтракал, когда был мальчишкой. Здесь *мои* корни, а уж никак не ваши. Вы просто мерзкий узурпатор и вор!

Разъярившись, он поступил глупо, попытавшись наброситься на Матье. Тот ловко избежал удара, схватил его и приемом дзюдо бросил на землю, крайне неудачно для агрессора.

– Да вы с ума сошли! – воскликнула Люси, бросаясь к брату.

Альбер держался за левое плечо, но оттолкнул сестру и поднялся, очевидно, больше униженный, чем пострадавший. Разумеется, правильно падать он не умел, но Матье обеспечил ему поражение по всем правилам, словно они сражались на ковре.

– Вы еще обо мне услышите, поверьте! – заявил Альбер напоследок не очень-то уверенным тоном.

Поддерживаемый Люси, он удалился с высоко поднятой головой. Матье провожал их глазами, пока они не исчезли в конце улицы. Он никак не мог прийти в себя от собственной реакции: ведь он отнюдь не был драчуном, больше того, еще час назад он готов был поклясться, что ничто не могло вывести его из состояния безразличия ко всему на свете.

Подадут ли они жалобу? Вот этого как раз Матье опасался меньше всего. Если что и вывело его из себя, так это очевидное презрение, которое Альбер проявлял к Сезару. Надо же было Сезару иметь таких родственников!

«Тебе будет очень хорошо в моем доме, когда я уже стану воспоминанием». Сезар утверждал это с довольной улыбкой в день, когда они подписывали договор. Он говорил, что Матье будет наслаждаться морским воздухом, находясь почти на вершине холма. Говорил он еще, что родился в этом доме и хотел бы умереть, стоя на террасе и любуясь движением судов по морю. Матье не очень много знал о его прошлом, потому что Сезар никогда о нем не рассказывал и не любил расспросов. Что он любил, так это смотреть на жизнь с несерьезной, забавной и ироничной стороны, или наоборот – бунтовать против новой эпохи, которой он уже не понимал.

– Как я скучаю по тебе, старина... а насчет твоего придурка-братца мог бы меня и предупредить!

Разговаривать вслух становилось для Матье привычкой. Стоило за собой следить, если он не хотел кончить жизнь сварливым отшельником. «Сварливым». Фабрис выбрал для него именно это слово.

Интересно, а в глазах Анжелики каким он был сейчас? Какими словами могла бы она его описать? Постоянно дрейфовавшим? Неспособным преодолеть препятствие? Растекшимся, трусливым, безвольным?

Едва волоча ноги, он пошел приготовить себе кофе. Адреналин, бурливший в его крови во время стычки с Альбером Дельво, перестал действовать, и вернулось обычное ощущение усталости. Он ненавидел это унижительное состояние, грызущее его мысли, как смертельная болезнь грызет тело. Надавать себе пощечин? Он был очень даже не против, но все закончилось тем, что его щеки стали пунцового цвета, и разболелись зубы. Наверное, стоило бы ему почаще бывать у Бенуа Левека. Как ни странно, сидя напротив него, Матье испытывал что-то вроде облегчения. Возможно, если он приложит чуть больше усердия, это позволит ему наконец увидеть свет в конце туннеля. Он все время возвращался к одной и той же мысли: что все-таки было последней каплей, переполнившей чашу? Он любил свою работу, обожал дочь, он был все так же влюблен в Тесс, так в чем же тогда коренилась эта чертова неопределимая проблема? У него не было никакого начальника-притеснителя, не было упадка профессиональных навыков, не было никаких проблем, просто чаша переполнилась последней каплей.

«Я больше не ценю существование, любой интерес к жизни и людям у меня испарился, я стал часто думать о смерти». Вот что он сказал психиатру в завершение их последней встречи. Он был абсолютно искренен, и это больше всего приводило его в отчаяние. Как и Сезар, он уже не понимал свою эпоху, считал, что она зиждется на ложных ценностях и сплошных подделках. Прагматичность, благоразумие нейтрализовали свободное суждение, а чувство вины стало новым постоянным кредо. Ничего не менялось, планета по-прежнему пылала в огне религиозных войн и утопала в крови, она самоуничтожалась, продолжая это отрицать, сознательно закрывая на все глаза. Матье не видел ни единой причины для возрождения надежды на что-то другое. «Если бы парни всей Земли...» – оказалась лживой песенкой, никто никому не собирался подавать рук.

Он вылил кофе в раковину и растянулся на одной из скамеек светлого дерева, изнемогая от усталости и отвращения к своему существованию.

Глава 3

– Твоей матери очень повезло, что у нее родилась дочь! Мне не дано было испытать этого счастья...

Жалобный голос Мишлин раздражал Анжелику, но она постаралась улыбаться по-прежнему.

– Думаю, мама была бы не менее счастлива, родись у нее мальчик.

– Наверное. Будь добра, поставь мой стакан вон туда.

– Я правда так думаю! – повторила Анжелика, повышая голос.

– Не кричи, ради бога. Ничего ты не можешь думать, пока у тебя нет своих детей. Будь у меня девочка, я одевала бы ее исключительно во все розовое. Я для нее приготовила приданое, вязала и днем и ночью. Носочки, жилеточки, распашонки, и даже вывязала маленького кролика. Но все это так и осталось лежать в коробке, обернутой в блестящую бумагу. Даже когда родилась ты, мне не захотелось с ней расстаться. А теперь мне уже все равно. Впрочем, я даже не знаю, что с ней стало из-за всех этих бесконечных переездов. Если вдруг когда-нибудь найдешь эту коробочку, знай – я дарю ее тебе! Ты, по крайней мере, хотя бы задумываешься о замужестве?

– Нет, бабушка. Пока не встретила того самого, да и время в запасе еще есть.

– Ты настолько мудра? Не слишком мудрствуй, жизнь коротка.

Не пытаясь что-то объяснить бабушке, и не надеясь, что та ее поймет, Анжелика предложила ей прогуляться по парку.

– Даже и не думай! Сейчас там слишком холодно. Лучше открой эту коробку с печеньем. Какая ты умница, что догадалась принести. Старики все со временем превращаются в лакомок. Можешь мне объяснить, почему твой отец больше меня не навещает? Он всегда приносил мне шоколадные конфеты, а теперь у меня их больше нет. Чем он сейчас занимается? Он что, в командировке? Я-то думала, что он никуда не выбирается из своей дражайшей книжной лавки...

– Он не совсем здоров. У него небольшая депрессия. Он немного в подавленном состоянии.

– Сессия?

– ДЕ-ПРЕС-СИ-Я!

– От такого вопля ты разнесешь весь этаж. В подавленном состоянии? И отчего, великие боги?

– Не знаю. Он слишком много работал и надорвался.

– Ну, от работы нельзя заболеть, что за чушь! Проблема Матье в другом: он всегда стремился кому-то что-то доказать! Он таким был с раннего детства. Всегда и во всем хотел быть первым. Реваншист. Не говори ему, а то еще обидится. Как он раздражал меня этими его вечными книжками, занятиями дзюдо, всем, что он изобретал, чтобы быть не таким, как другие, чтобы превзойти своих братьев! Мне иногда кажется, что он этим хотел привлечь мое внимание к себе, только мое внимание. А у меня и без того была куча дел со старшими, да к тому же весь дом был на мне... Ты же знаешь, я очень рано овдовела, приходилось как-то крутиться, так что для того, чтобы разобраться в состоянии души Матье, у меня просто не хватало времени.

– Может, оттого он и страдал.

– Как бы не так! – не допускающим возражения тоном возразила Мишлин.

Она никогда не задавалась подобным вопросом, считая себя хорошей матерью, да она и была такой для первых трех сыновей, но только не для младшего. Анжелика знала это, поскольку случайно выудила это признание у отца в ту пору, когда он еще был способен смеяться над такими вещами.

– Нет, нет, поверь мне, – проговорила Мишлин, – Матье всегда думал только о том, чтобы его заметили, выделили из остальных.

– Ты сама только что призналась, что он искал твоего внимания.

– Какие еще донимания? Никто его не донимал! Он что, тебе жаловался? Ты же видишь, что для него важнее всего был интерес к его персоне.

Анжелика подавила вздох и встала.

– Мне пора, бабушка. Через час у меня занятия, мне нужно идти.

– Ох, ты такая славная девочка... но приходи чаще и подумай о моих шоколадных конфетках... Я не понимаю, почему решительно всем наплевать, во что я здесь превращаюсь. Мне так хочется всех вас видеть! Дом престарелых – это горько до слез.

Глаза ее между тем оставались сухими. Анжелика ничуть не чувствовала себя растроганной, но тем не менее ласково обняла бабушку. Выйдя на улицу и с удивлением почувствовав, что ветер стал просто ледяным, она поскорее подняла воротник и низко опустила голову. Ей нужно было пересечь парк, чтобы подойти к своей автобусной остановке, и она побежала, словно ей хотелось как можно скорее удалиться от этого места. Каждый визит к бабушке оставлял у нее странное, противоречивое чувство. С одной стороны, ей было жаль старушку, но с другой... манера Мишлин говорить дурное об отце ее злила. Для остальных сыновей – Фабриса, Жана и Сильвена, – которые к ней глаз не кажут, она находила тысячу снисходительных извинений, но только не для Матье, который единственный ей занимался все последние годы. Трудно это было объяснить исключительно старческим эгоизмом. Нет, она просто не любила последнего сына, этот досадный излишек, с которым она не знала, что делать. И то, в депрессии он или нет, нисколько ее сейчас не интересовало.

Запыхавшись, но в то же время согревшись, Анжелика подбежала к остановке, не переставая думать обо всем этом. Ей удалось вовремя сесть на автобус до инженерной школы, так что на занятия она успела.

* * *

Тесс обвела недоверчивым взглядом стоявшую перед ней незнакомку.

– О... я очень рада... – только и смогла она произнести.

Женщина лет сорока, вошедшая в ее магазин, представилась ей Шарлоттой, матерью Анжелики, и следовательно, бывшей женой Матье.

– Мне стоило бы вас предупредить, – извинилась она, смущенно улыбнувшись, – но, когда я вышла из поезда, телефон Анжелики был недоступен, конечно, она была на занятиях, и, признаюсь, любопытство взяло верх, вот я и решила поскорее вас увидеть.

– Конечно, я вас отлично понимаю, – сказала Тесс, продолжавшая держаться немного настороженно.

– Я очень редко приезжаю в Гавр, мне так и не удалось полюбить этот город, несмотря на все старания Матье. Но ваш магазинчик – просто восхитителен!

– Он совсем маленький...

– Но полон чудес!

В этот момент вошел мужчина, и Шарлотта направилась к витрине, делая вид, что внимательно ее рассматривает. Выбитая из колеи Тесс помогла покупателю побыстрее выбрать подарок, который в спешке упаковала. Когда они снова остались одни, Шарлотта продолжила разговор:

– Мне не хотелось бы вам мешать работать.

– Вы мне и не мешаете. Я просто... удивлена.

– Моя дочка очень беспокоится за отца. Но вы наверняка в курсе, поскольку я знаю, что вы с ней довольно близки.

– Мы обе о нем беспокоимся.

Тесс постепенно стала приходить в себя. Шарлотта и Матье уже давно развелись и, судя по мнению их дочери, сохранили спокойные, почти дружеские отношения. С другой стороны, Шарлотта могла плохо относиться к взаимной привязанности Анжелики и Тесс. Ни одна мать на свете не хочет быть вытесненной из сердца своего ребенка чужой женщиной, однако ни малейших следов агрессивности не прозвучало в слове «близки», которое только что употребила Шарлотта.

– Ну... Значит, теперь мы беспокоимся вдвоем... Я всегда была очень привязана к Матье, он – потрясающий парень, да что я это вам говорю!

Подыскивая подходящую реплику, Тесс повнимательнее присматривалась к Шарлотте, которую нашла очень привлекательной. Брюнетка, короткие, отлично подстриженные волосы, большие черные глаза, длинные ресницы, красиво очерченный рот, сдержанный макияж и стройная фигура. Выглядела Шарлотта намного моложе, хотя и была на семь лет старше Тесс, которая сразу начала комплексовать по поводу своей внешности. Особенно теперь, когда к концу дня тушь на ресницах наверняка размазалась, а губная помада стерлась. И если ее джинсы и свитер с «хомутом» как нельзя более были уместны на работе, где дверь практически не закрывалась, то насколько же жалко должны они были выглядеть сейчас, на фоне безупречного парижского шика одежды Шарлотты.

– Хотите кофе? – предложила Тесс. – В подсобке у меня есть кофемашина.

Она провела ее в маленькую комнату без окон, загроможденную всякой всячиной.

– Мне так не хватает места! – воскликнула Тесс, взяв два картонных стаканчика. – Недавно я закупила большую партию товаров у своих поставщиков, чтобы продержаться хотя бы до конца Пасхи, и теперь, по мере того как все это распродается, я обновляю ими свои витрины.

– Вам нечего извиняться, это я вмешалась в вашу жизнь. И не исключено, что я здорово ошибаюсь, полагая, что могу что-то сделать для Матье. Мне бы хотелось услышать от вас о его состоянии. Анж настолько потрясена его депрессией, что созвала на помощь всех членов семейства... меня в том числе! Неужели он настолько плох?

– Он на пике депрессии, и никто не понимает, почему это случилось. Но он ходит на сеансы к психиатру, не исключено, что рано или поздно это принесет свои плоды.

– А как это началось?

– Внезапно. Он просто проснулся в один прекрасный день абсолютно обессиленным, опустошенным и чувствующим отвращение ко всему на свете.

– И к вам тоже?

Вопрос был настолько прямым, что Тесс вздрогнула.

– Я полагаю, нам лучше говорить с полной откровенностью, не так ли? – добавила Шарлотта.

– Он не хочет никого видеть. И я нисколько не принимаю это на свой счет, потому что даже присутствие Анж его страшно раздражает, хотя он очень ее любит.

– Не знаю, справлюсь ли я лучше вас обеих, но я все-таки постараюсь, поскольку уж я здесь. Вас не слишком заденет, что я отправлюсь к нему без вас?

– Разумеется, нет.

Но, произнеся это, Тесс почувствовала укол ревности. Останется ли Матье равнодушным к этой очень красивой женщине, которую он когда-то любил? До конца ли он оправился от их разрыва, который произошел когда-то по ее инициативе? А если вдруг случится такое, что он выйдет из своего ступора и станет самим собой? Не будет ли это ее личной победой, словно никто другой не имел над ним подобной власти? Тем не менее Тесс очень хотела, чтобы Матье поправился, хотела всей душой, так что готова была склониться перед влиянием, которое, возможно, до сих пор имела эта женщина.

– Объяснить вам, как добраться до виллы в Сент-Адрессе? – спросила она.

– Кажется, я еще помню остановку автобусов, которые до сих пор ездят в ту сторону. Все-таки я прожила в Гавре несколько лет! Матье все время мечтал туда вернуться, мне же хотелось жить только в Париже. Но у него не было достаточно средств, чтобы открыть там собственное дело, а всю жизнь оставаться наемным работником он не хотел. Итак, мне пришлось поехать вместе с ним, потому что Анжелика только что родилась и... думаю, он вам все это рассказывал.

– Да, рассказывал кое-что.

Встретив Тесс, Матье был с ней честен, но не откровенничал, рассказав ей о своем прошлом лишь в нескольких коротких и загадочных фразах. С тех пор он нечасто упоминал в разговорах Шарлотту, да и то исключительно если речь заходила о дочери. Однако он не стал скрывать от Тесс, что развод и отъезд Шарлотты вместе с Анжеликой из Гавра стал для него тяжелой травмой. Этот разрыв, возможно, и был связан с «трудовой булимией», которой страдал Матье, но в данном случае связь была скорее обратной, так как она и послужила причиной, в первую очередь, их расставания. Главным аргументом Шарлотты в разрыве с Матье было постоянное отсутствие ее мужа дома.

– Открытие собственного книжного магазина стало моим кошмаром, он же парил в облаках. Чем больше он работал, тем больше преуспевал и скоро обошел всех своих конкурентов в этом непростом по нашим временам сегменте. Правда, оставались тяжелые кредиты, и Матье спал не больше трех часов в сутки и никогда не брал отпуск. И я отказалась склониться перед его волей, не хотела так же выдохаться, как и он. Короче говоря, наши взгляды на жизнь перестали совпадать. Единственным выходом было разойтись. Но в глазах Анжелики нам удалось сохранить видимость хороших отношений, несмотря на все разногласия.

Она допила кофе и прицельно точным движением бросила стаканчик в мусорное ведро. Тесс слушала ее внимательно, но смотрела не на нее, делала вид, что наблюдает за магазинчиком. К чему столько откровенности? И почему Шарлотта явилась сюда, к ней, вместо того чтобы отправиться прямо к Матье? Не все можно было объяснить обычным любопытством, тем более что, говоря без умолку, Шарлотта не задала ей ни одного вопроса. Неужели ей просто хотелось узнать, как выглядела Тесс?

Зашуршала занавеска, и в магазин вошли двое покупателей. Тесс виновато посмотрела на Шарлотту, и та прошептала:

– Убегаю! Спасибо за кофе.

Она тихонько выскользнула наружу, оставив Тесс в полном недоумении. Узнает ли она когда-нибудь, как в действительности прошла их встреча с Матье? И снова, как это с ней часто бывало в последнее время, она почувствовала себя ненужной, бесполезной, на грани отчаяния. Тесс пришлось сделать над собой усилие, чтобы принять клиентов с улыбкой и не следить глазами за удалявшимся силуэтом Шарлотты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.